

роман

КОРИ ДОКТОРОУ

Выход

Кори Доктороу

Выход

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/48517927>

Выход : [фантастический роман] / Кори Доктороу : АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-105093-1

Аннотация

<p>«Выход» – язвительный, трогательный, фантастический триллер о том, как люди грядущего столетия пытаются справиться с болезненными переменами в социальной и политической структуре мира, переменами, до неузнаваемости преобразившими и планету, и само человечество как вид.</p>

Содержание

1
Конец ознакомительного фрагмента.

5
84

Кори Доктороу

Выход

Cory Doctorow
WALKAWAY

© SraphoundLLC, 2017

© Перевод. К.В. Круглов, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Эрику Стюарту и Аарону Шварцу.
Первые дни, лучшие народы.
Мы продолжаем борьбу.*

1

Коммунистический праздник

[I]

Губерт Вернон Рудольф Клейтон Ирвинг Вильсон Альва Антон Джефф Харли Тимоти Кёртис Кливленд Сесил Олли Эдмунд Эли Вилли Марвин Эллис Николас Эспиноза был слишком стар для коммунистических праздников. Ему, двадцатисемилетнему, было на семь лет больше, чем даже самому старому здешнему тусовщику, и он чувствовал этот демографический разрыв. Поэтому хотелось спрятаться за один из огромных грязных и засаленных станков, которые повсеместно возвышались на полу заброшенного завода; сделать все, чтобы избежать ничего не выражающих взглядов пестрой толпы прекрасных детей, недоумевавших, каким образом в их ряды затесался старик.

– Пойдем отсюда, – сказал он Сету, притащившему его на праздник. Сет все боялся, что вот-вот наступит время выйти из демографической группы прекрасных детей и тогда придется вступить в мир безработных взрослых. Он обладал безошибочным чутьем на самые экстравагантные, передовые, трансгрессивные мероприятия, устраиваемые детьми,

считавшими себя самыми прогрессивными представителями общества. Губерт Итд Эспиноза общался с Сетом только потому, что, не желая расставаться с детством, он не мог забыть о своих прежних друзьях. Сет настаивал, а Губерт Итд легко поддавался влиянию.

– Сейчас вообще все будет *нормально*, – сказал Сет. – Почему бы тебе не сходить нам за пивом?

Именно этого Губерту Итд совершенно не хотелось делать. Там, где было пиво, кучковались самые беззаботные подростки: веселая и странная толпа, напоминавшая стайку тропических рыбок, одна волшебнее и трагичнее другой. Губерт Итд хорошо помнил себя в этом возрасте: уверенность в том, что мир катастрофически испорчен и только идиот будет унижаться, принимая его неизбежность. Губерт Итд часто встречался лицом к лицу со своим отражением в стекле душевой кабины, смотрел, не мигая, в глаза, которые подобно птенцам в гнездах были окружены похожими на синяки мешками, и вспоминал, что когда-то отрицал право этого мира на существование, а теперь уже прочно попал в его сети. Губерт Итд не мог уже сделать вид, что ничего не понимает, поэтому любой ребенок младше двадцати раскусит его за считанные секунды.

– *Давай, братан, иди. Я тебя сюда привел, а ты теперь шевельнись хоть чуток.*

Губерт Итд не стал озвучивать вполне очевидные вещи: во-первых, он вообще не хотел сюда идти, а во-вторых, пива

он совершенно не желает. Спор с Сетом обязательно зашел бы в тупик, ведь на лице его приятеля уже блуждала улыбка Питера Пена, он уже включил режим «ха-ха-только-серьезно» и мог оставаться в нем сколь угодно долго, а Губерт Итд уже устал от этой ночи.

– У меня нет денег, – сказал Губерт Итд.

Сет многозначительно на него посмотрел.

– А, ну да! – вспомнил Губерт Итд – коммунистический праздник.

Сет подал ему два красных стакана. Очевидно, что цвет был подобран не случайно.

Пока Губерт Итд протискивался к пивным кранам, установленным на вертикальной стальной конструкции, выходящей из пола и возвышавшейся до самых потолочных балок, он пытался понять, кто из прекрасных детей был барменом, кто секретарем, а кто комиссаром. На стальном листе конструкции причудливо сочетались наклеенные штрих-коды безопасности, образовавшиеся за долгие годы разводы и мельтешение разноцветных огней цветомузыки ди-джея. Никто не попытался помочь ему, никто не мешал пройти, хотя трое детей и остановились, пристально наблюдая за его действиями.

На всех троих были надеты очки «как у Маркса», они щеголяли большими, развесистыми бородами, таившими, казалось, какую-то сюрреалистичную угрозу, а говорили эти трое, как персонажи видеороликов, снятых с использовани-

ем синтезатора речи. Бороды были выкрашены в яркие цвета, и было в них что-то (провода с памятью формы?), что заставляло волосы извиваться как щупальца.

Губерт Итд неуклюже наполнил стакан, и девушка из этой странной троицы предложила поддержать его, пока Губерт наполнял другой. Пиво было светящимся или биолюминесцентным, и Губерт Итд подумал, что может быть такого страшного в трансгенных микробах, способных превратить воду в пиво, а девушка смотрела на него из-под своих очков, но взгляд ее невозможно было уловить в этих мигающих огнях цветомузыки. Он выпил.

– Неплохо, – он рыгнул, потом рыгнул снова, – только многовато пены, да?

– Потому что быстродействующее. Час назад это была обычная дренажная вода. Мы отфильтровали ее, подогрели до комнатной температуры, ввели культуру. Оно, кстати, живое – добавь прекурсор, исходный реагент, и все снова заработает. Выживает в моче. Просто оставь немного, если захочется еще.

– Коммунистическое пиво? – спросил Губерт Итд. Это была самая остроумная шутка, которую он смог из себя выдать. Дайте минутку на размышление – и блистательный Губерт сразит вас своим шармом!

– *Наздоровья.* – Она чокнулась с ним и осушила стакан, и от ее последующей отрывки он слегка покачнулся. Девушка постучала по груди, что вызвало новую серию отрывков, по-

том наполнила стакан.

– Если ты этим писаешь, – поинтересовался Губерт Итд, – то что случится, если кто-нибудь добавит прекурсор в канализацию? Все превратится в пиво?

Она окинула его взглядом, полным подросткового презрения.

– Это же полный бред. Чересчур сильно разведенная культура не сможет метаболизировать прекурсор. Опустоши бачок унитаза, и это будет просто моча. Живность умирает через час или два, поэтому туалет не станет резервуаром долгоиграющей экзистенциальной опасности для водоснабжения. Это просто пиво, – отрыжка, – пенистое пиво.

Губерт Итд отпил еще немного. Было вкусно и совсем не напоминало мочу.

– Все пиво арендовано? – спросил он.

– Большая часть пива арендована. Это бесплатное. Понимаешь: «бесплатное», как в маркетинговом выражении «бесплатное пиво». – Она выпила полстакана, пролив немного на свою бороду. На вьющихся волосах бисером блестели капли.

– Похоже, ты редко ходишь на коммунистические праздники.

Губерт Итд пожал плечами:

– Вообще не хожу. Я старый зануда. Восемь лет назад мы этим не занимались.

– Чем же ты занимался, дедуля? – сказал кто-то беззлобно, и двое ее друзей, девушка с тем же оттенком кожи, что и Сет,

и парень с красивыми кошачьими глазами, захихикали.

– Надеюсь найти работу на дирижаблях! – ответил за него Сет, обхватывая шею Губерта Итд рукой. – Кстати, меня зовут Сет. А его – Губерт Итд.

– Итак далее? – спросила девушка с легкой улыбкой на лице. Она понравилась Губерту Итд. Он даже подумал, что, наверное, она ничего себе девчонка и совершенно не считает, что он такой debil, просто потому что на несколько лет старше и никогда не слышал о ее любимом виде синтетического пива. Он понимал, что эта мысль вызвана не только его верой в гуманизм, в то, что все люди по-своему хорошие, но и ужасным, давящим одиночеством и какой-то неопределенной похотливостью. Губерт Итд был достаточно смышленным, что, впрочем, не всегда ему удавалось, и мог в той или иной степени управлять своей психикой, поэтому обманывать себя время от времени было очень нелегко.

– Расскажи ей, чувак, – сказал Сет. – Давай, это вообще потрясающая история!

– Это не потрясающая история, – возразил Губерт Итд. – Мои родители дали мне слишком много средних имен, вот и все.

– Много – это сколько?

– Двадцать, – сказал он. – Первые двадцать имен из переписи населения 1890 года.

– Там же всего девятнадцать, – быстро ответила она. – И одно основное имя.

Сет засмеялся, как будто услышал самую смешную шутку за всю свою жизнь. Даже Губерт Итд улыбнулся:

– Большинство людей этого не замечают. Да, чисто технически у меня девятнадцать средних имен и одно основное.

– Зачем твои родители дали тебе девятнадцать средних имен и одно основное? – спросила она. – Ты уверен, что там именно девятнадцать средних имен? Может, десять основных имен и десять средних?

– Думаю, что очень трудно претендовать на несколько основных имен, потому что основное имя несет в себе ту конкретику, которой лишены средние. Это не имея в виду всяких там Мэри-Энн и Жан-Марков, которые по правилам пишутся через дефис.

– Да, все правильно, – сказала она, – Но все-таки, если Мэри-Энн может быть основным именем, то почему не может быть основным Мэри-Энн Таня Джесси Штаны Бананы Рвота Макаки Итд?

– Мои родители согласились бы с тобой. Они хотели выказать свое отношение к именам сразу же после того, как Аноним ввел Политику реальных имен. Они вообще отличались активной жизненной позицией, работали над созданием политической партии, и эта политика вообще страшно их бесила. Ведь очевидно, что если ты «Аноним», то не можешь придерживаться никакой «Политики реальных имен». Они решили дать своему ребенку уникальное имя, которое ни за что не влезет ни в какую базу данных и позволит ему совер-

шенно официально использовать самые разные суб-имена. К тому времени, как я все это понял, я уже успел привыкнуть к «Губерту», поэтому так себя и называю.

Сет взял стакан с пивом из рук Губерта, отпил и рыгнул.

– А я всегда называл тебя Губертом-Итд. Во-первых, круто, во-вторых – легко запомнить.

– Я и не возражаю.

– Ну давай теперь...

– Что? – Губерт Итд заранее знал ответ.

– Имена. Вы должны это услышать.

– Вовсе нет, если не хочешь, не говори, – сказала она.

– Да ладно, ерунда, а то так и останетесь в неведении, – он уже смирился с таким положением вещей, и это стало неотъемлемой частью его взросления. – Губерт Вернон Рудольф Клейтон Ирвинг Вильсон Альва Антон Джефф Харли Тимоти Кёртис Кливленд Сесил Олли Эдмунд Эли Вилли Марвин Эллис Николас Эспиноза.

Она запрокинула голову в комичном потрясении, потом закивала:

– Нужны еще «Штаны Бананы».

– Абсолютно уверен, что в школе тебя немилосердно дразнили, – сказал Сет.

Это разозлило Губерта Итд. Тупая, постоянно повторяющаяся шутка Сета.

– Да ладно. Ты что, действительно думаешь, что детей дразнят за их имена? Причинно-следственная связь здесь

другая. Если дети смеются над твоим именем, это потому что ты непопулярен, а не ты непопулярен из-за того, что у тебя такое имя. Если бы самого крутого ребенка в школе звали «Гарри Попин», все бы называли его Гарольдом. Если бы какую-нибудь школьную вонючую овцу звали «Лиза Браун», то ее все называли бы «Засранкой», – он хотел было добавить: «*Серьезно, не будь дебилком*», но сдержался, так как стремился быть взрослым во всем. Сет бы и не обратил внимание на то, что он, по всей вероятности, ведет себя как дебил.

– *А тебя как зовут?* – спросил Сет у девушки.

– Лиза Браун, – ответила она.

Губерт Итд хихикнул:

– *Серьезно?*

– Нет.

Сет подождал, ожидая, что она скажет настоящее имя, потом пожал плечами:

– Я Сет.

Он повернулся к ее друзьям, которые приблизились на шаг-другой. Один из них предложил затейливое рукопожатие, которое Сет воспроизвел с таким естественным энтузиазмом, что Итд вопреки своим принципам позавидовал и тотчас же смутился.

Танцевальная музыка становилась все громче и громче. Сет наполнил стакан Губерта и унес его с собой на танцпол. Губерт остался стоять с дурацким видом. Девушка наполнила свой стакан и передала ему.

– Классное пиво, – крикнула она, и ее дыхание щекотно прошло по его щеке.

Музыка играла очень громко: автоматический микс раздавался из пульта ди-джея, где было все, даже лазерный локатор и устройство обработки тепловых карт для определения реакции толпы на музыкальные миксы для оптимизации последующих композиций под желания публики. Это все использовалось и в те давние времена, когда Губерт Итд был достаточно юн, чтобы ходить в клубы. Тогда это называлось Правилем 34 в отношении любых миксов и казалось довольно дешевым. Теперь же – другое дело.

– Немного хмельное.

– Не сам вкус. Энзимы. Содержащееся там вещество способствует распаду, предотвращает образование формальдегидов у тебя в крови. Здорово снижает похмельный синдром. Это турецкая штука.

– Турецкая?

– Ну да, как бы турецкая. Поступает с переработки в Сирии. Там основная лаборатория. Называется «Гези». Если интересуется, пришлю всю информацию.

Она с ним флиртует? Восемь лет назад предоставление контактных данных уже было приглашением. Может, настали времена более неразборчивого контроля пространства имен и менее распушенных социально-половых норм? Губерт Итд желал бы хоть немного понять суть текущей социологии двадцатилетних. Он потер интерфейсную полосу на

своим безымянном пальце и пробормотал: «Контактные сведения», затем вытянул руку вперед. Ее рука казалось теплой, маленькой, мозолистой. Она коснулась полоски, которую носила на шее, что-то прошептала, и он почувствовал подтверждающую вибрацию в своей системе, а затем двойную вибрацию, свидетельствующую о том, что обмен данными завершен.

– Можешь включить меня в белый список.

Губерт Итд хотел бы знать, привыкла ли она так легко обмениваться контактами с первым встречным, не нужно ли позаботиться о спаме или...

– Ты никогда не посещал такие места, – сказала она, снова приблизив лицо прямо к его уху.

– Нет, – закричал он в ответ. Ее волосы пахли жжеными крышками и солодкой. – Тебе понравится, давай подойдем поближе. Скоро начнется.

Она снова взяла его за руку, и, когда ее мозоли коснулись его кожи, он вновь почувствовал вибрацию, будоражащую внутреннюю щеку, никак не связанную с его интерфейсной поверхностью.

* * *

Они обходили танцующих, пробирались через листья и облака пыли, которые кружились под мельтешением огней. В пыли витали сверкающие частицы, и казалось, что воздух пе-

ренасыщен яркими блесками фей. Губерт Итд увидел, как Сет обернулся назад и посмотрел на него, обратив внимание на всю картину: девушку, положение их рук, то, как они пробираются по затемненным местам для личного уединения. Лицо Сета покрылось морщинами мимолетной зависти и тут же сменилось по-братски хитрым взглядом, который он дополнил поднятыми вверх большими пальцами. Бахнула автоматическая музыка: кантопоп и румба, которые Правило 34 всегда исключало из своего направленного с элементами случайности перебора композиций в заданном музыкальном пространстве.

– Вот здесь нормально, – сказала она, когда они протискивались и поднимались на помост станка. Угловатая ходовая лестница оставила ржавые отпечатки на ладонях Губерта Итд. Когда музыка не гроыхала, они могли слышать друг друга, и Губерт Итд начинал снова чувствовать свое дыхание и пульс.

– Посмотри вон туда, – она повернула станок в сторону. Гиберт Итд покосился и увидел ее друзей, двигавшихся между станками. – На тех станках делают мебель, в основном полки. На складе мы нашли тонну сырья.

– Ты помогала организовать все это? – спросил он, обводя рукой завод и танцующих.

Она приложила палец к резиновому носу и медленно подмигнула.

– Страна Советов во всей ее красе, – сказала она, косну-

лась дужки очков, и он увидел, как с переливами, фальшивой цветопередачей и стабилизацией увеличилось в линзах изображение ее глаз. — У них все так и было.

Музыка прервалась посередине.

От гула заводских опор завибрировал помост. Танцующие попытались отыскать источник этого шума, затем по цеху прошла волна изумленных возгласов, когда все увидели, как огромный станок начал двигаться, стряхивая с себя клубы пыли. В освещавших его лучах зажигались все новые частицы пыли. Появился новый запах: древесный, наполненный, как казалось, опасными летучими веществами, вскипавшими на разогретых частях оживавшей машины. Гул голосов в зале совсем смолк, когда первая обшивная доска из композитных материалов упала на сборочную площадку и тут же была с высокой точностью выровнена тысячами мельчайших упоров, подготовивших место для падения следующей доски. Теперь доски падали уже через регулярные интервалы, и на площадке вскоре образовалась целая поленница из тонких, прочных, гибких целлюлозных досок, между которыми ловко прокладывались поперечные бруски, затем они выравнивались и намертво соединялись предварительно изготовленными крепежными элементами. Упоры подняли решетку, переместили ее вниз по конвейеру, после чего с такой же быстротой была собрана новая решетка.

Этот цикл повторялся вновь и вновь, после чего станок развернул рулон упаковочного материала, натянул его во-

круг каркаса и закрепил. Готовая продукция была поставлена набок и отодвинута в сторону. Через минуту был собран и обтянут второй экземпляр. Одна девушка из танцующих подошла к месту складирования готовой продукции, без труда подняла изготовленный экземпляр и одной рукой вынесла его на танцпол, после чего разрезала упаковку ножом, ярко сверкавшим в лучах цветомузыки. Кровать, самая обычная кровать в несколько щелчков была установлена на полу, оставалось только положить матрас. Танцовщица залезла на решетку кровати и начала усиленно прыгать на ней. Кровать пружинила как настоящий трамплин, и уже через несколько секунд танцовщица разводила в прыжке ноги и даже делала настоящее сальто.

Девушка уселась поудобнее и начала теревить пальцами кудряшки своей бороды.

– Как же хорошо.

Губерт Итд был уверен, что она улыбается.

– Классная кровать, – сказал он, не придумав ничего иного.

– Просто отличная, – ответила та. – Здесь было много прибыльных линеек продукции, но кровати были самыми лучшими. Их хорошо закупали гостиницы, так как такие кровати практически невозможно сломать, а весят они не больше перышка.

– Почему же их перестали выпускать?

– Ничего не перестали. Шесть месяцев назад «Муджи»

закрыла завод и переехала в Альберту. Получила огромные субсидии на переезд, провинция Онтарио просто не смогла предложить ничего лучшего. Они работали здесь всего пару лет, весь персонал составлял двадцать человек, а двухлетние налоговые каникулы как раз заканчивались. С тех пор это место пустует. Мы можем производить здесь всю линейку продукции, всю мебель «Муджи», в том числе те вещи, которые идут под брендами «Нестле», «Стандарт-энд-Пурс» и «Моег Шандон». Стулья, столы, стеллажи, полки. Следующий праздник мы собираемся провести в Оранджвилле на пустующем заводе по выработке сырья для логистических цепочек. Если не попадемся, то сможем выпустить мебель для пары тысяч семей.

– Вы это делаете совершенно бесплатно?

Она посмотрела на него долгим, серьезным взглядом.

– Мы – организаторы коммунистического праздника, уже забыл?

– А, ну да! Хотя... как же вы зарабатываете на еду и все такое?

Она пожала плечами.

– Крутимся-вертимся то здесь, то там. Что под руку подвернется. Незнакомые люди, как правило, очень добры.

– Люди приносят вам еду, а вы им даете вот эти вещи?

– Нет, – ответила она. – Мы не поддерживаем принцип натурального обмена. Это подарки. Экономика дарения. Все отдается бесплатно, и взамен ничего не требуется.

Теперь настала очередь Губерта Итд задавать вопросы:

– Как часто вам делают подарок, после того, как вы дарите одну из таких кроватей? Может, кто-то берет кровать, а потом приходит и оставляет что-то для вас?

– Конечно. Очень трудно отучить людей от привычки взаимовыгодного обмена в эпоху дефицита. Но мы-то понимаем, что *имниче*гоне нужно приносить. Вот *тыч*то-нибудь принес сегодня?

Он похлопал себя по карманам:

– У меня с собой только пара миллионов баксов, ничего серьезного.

– Ну и оставь их себе. Деньги мы точно никогда не берем. Мама всегда говорила, что деньги – это самый дерьмовый подарок. Любой, кто попытается здесь всучить кому-нибудь или взять с кого-нибудь деньги, будет вышвырнут пинком под зад без какого-либо права на возвращение.

– Тогда я вообще не буду доставать кошелек из штанов.

– Правильная мысль! – она была достаточно доброжелательна, чтобы не заметить двусмысленности, от которой покраснел сам Губерт Итд. – Кстати, меня зовут Пранкушка.

– А я думал, что только у меня родители больные.

Борода начала причудливо извиваться.

– Это имя придумали не мои родители, – сказала она. – Это мое партийное имя. Смесь пранка и Золушки.

– Как Троцкий, – ответил он. – Его звали Лев Давыдович. В одиннадцатом классе я делал независимый исторический

проект по большевизму. Однако здесь все гораздо интереснее.

– Говорят, что старик Карл поставил правильный диагноз, но прописал не тот рецепт. – Она пожала плечами. – Все будет иначе, когда Коммунистический праздник станет настоящей партией. Решение еще не принято. Скорее всего, мы попросту схлопнемся. Как это происходит у вас там, на дирижаблях, да?

– Дирижабли *разрываются*, – ответил он.

– Ха! Ха! Ха!

– Извини, – он выставил ноги наружу и облокотился на поручень, который заскрипел, но выдержал. Он вдруг понял, что мог упасть с десятиметровой высоты на бетонный пол. Отдышавшись, он продолжал: – Но все верно, с дирижаблями ничего не вышло.

По документам и чертежам все казалось безупречным. Занялись этим богатые временем и бедные деньгами люди, имевшие друзей по всему свету. Эксплуатация дирижаблей не требовала особых затрат, если, конечно, скорость не имела решающего значения. Возникали сотни новых компаний, шли разговоры об экологическом и подходящем для климата транспорте, люди мечтали о «новом веке авиации». Несмотря на все это возникало неизбежное ощущение золотой лихорадки, игры в «музыкальные стулья», когда очень небольшое число удачливых людей с достаточным количеством денег перестало бы делать вид, что им было дело до хоть ка-

кой-нибудь авиации, кроме той, что всегда сопровождается шампанским и теплой маской для сна сразу же после взлета. В отрасли крутилось достаточное количество денег, на правительственном уровне сплошь и рядом шли разговоры о поощрении региональных талантов и появлении новой промышленной реальности. Разговоры сопровождалась гигантскими налоговыми скидками на исследования и разработки, а денежные инвестиции все шли и шли нескончаемым потоком.

Через три года, в течение которых Губерт Итд и те, кого он знал, отдали все, что имели, чтобы запустить гигантские плавающие сигары в небо, все схлопнулось. Еще через несколько лет – стало винтажной модой. Губерт Итд видел в клипе о сверхмодной мебелировке «номер подлинной старинной отделки со всеми удобствами на дирижабле Марк II». Скрупулезно восстановленный мебельный набор для воздушного судна специально для пары, постоянно проживающей на дирижабле, а не для десятков странствующих летающих бомжей. Губерт Итд однажды провел три месяца в кооперативе, выпускавшем модульные помещения, которые были готовы к установке на платформы воздушных судов. Его потом и кровью заработанная доля должна была давать ему право проводить определенную часть года в небе на борту любого судна, где установлено производимое кооперативом модульное помещение, право на путешествие в неизвестность, где можно было подчиняться лишь преобладающим в этом ми-

ре ветрам.

– Не вини себя. Такова уж человеческая природа – верить в воздушные пузыри и думать, что ты весь такой из себя предприниматель и сможешь выбиться из общего ряда. – Она отстегнула бороду и сняла очки. Ее лицо походило на лисью мордашку, вмятины, продавленные тяжелыми очками, были усеяны веснушками и покрыты испариной. Она вытерла пот подолом рубашки, а он обратил внимание на ее бледный живот и родинку у пупка.

– А как насчет твоих людей? – ему хотелось еще пива, однако он понял, что так же хочет в туалет, и подумал, не стоит ли потерпеть, чтобы потом побаловать себя свежей партией пива.

– Мы не предприниматели и не собираемся откуда-либо выбираться. Это не предпринимательская деятельность.

– Люди пытались заниматься и антипредпринимательством. Безделье ведь тоже до добра не доводит.

– Мы и не антипредприниматели. Мы так же похожи на предпринимателей, как бейсбол на крестики-нолики. Мы играем в другую игру.

– И в какую же?

– Пост-дефицит, – сказала она почти с религиозной торжественностью.

Видимо, ему не удалось сохранить нейтральное выражение лица, потому что по ее взгляду стало понятно, как она разозлилась.

– Извини, – вряд ли кто-нибудь когда-либо так много извинялся, как он. Как-то на Хеллоуин его сосед по квартире сделал несколько картонных могильных плит и вывесил их как флаги на кухонных шкафах. Губерту Итд показалось, что тот написал: «Извини».

– Что мне твои извинения! Посмотри, Итакдалее, на все это. По документам это совершенно бесполезное место. Все вещи, сходящие с этого конвейера, должны быть уничтожены. Это нарушение товарных знаков; даже если товары сходят с официального конвейера «Муджи» и сделаны из официального сырья «Муджи», на них нет лицензии «Муджи», поэтому такое сочетание целлюлозы и клея является преступлением. Это настолько извращено, что любой, кто обращает внимание на такое положение вещей, уже нарушает все правила игры, и мнение его ничего не стоит. Любой, кто скажет, что мир станет лучше, если этот завод попросту сгниет...

– Мне это вовсе не кажется хорошим аргументом, – ответил Губерт Итд. Когда-то ему часто приходилось вести подобные споры. Он не был молод и не считал себя человеком передовых взглядов, но в этих вещах разбирался. – Это все равно, что говорить людям: все, что вы делаете со своими вещами, приводит к худшим результатам, чем если бы вы делали всякие глупости и давали рынку право отсеять хорошие идеи от...

– Думаешь, кто-то еще верит в эту чушь? Знаешь, почему

люди, которым нужна мебель, просто не взломают дверь в этот цех? Это не ортодоксально с рыночной точки зрения.

– Конечно нет. Это просто страх.

– И у них есть все основания, чтобы бояться. В этом мире все устроено так: если ты не добился успеха, то ты полный неудачник. Если ты не забрался на вершину, то валяешься в самом низу. А если ты находишься где-то между, то просто висишь, вцепившись ногтями в надежде, что сможешь перехватиться получше, прежде чем тебя оставят последние силы. Все, кто еле держатся, просто боятся ослабить хватку. Все, кто внизу, слишком устали, чтобы карабкаться наверх. А что же люди наверху? Это те, чье существование зависит от того, чтобы все оставалось без изменений.

– Ну и как ты называешь эту свою философию? Пост-страх?

Она пожала плечами:

– Без разницы. Названий хватает. Ни одно из них не имеет значения. *А вот это* имеет, – она показала на танцующих и на кровати. Станки другого конвейера включились и начали производить складные стулья и столы.

– Как насчет «коммунизма»?

– Что насчет «коммунизма»?

– Это символ, от которого веет историей. Вы могли бы быть «коммунистами».

Она помахала перед его лицом своей бородой.

– Коммунистический праздник. Она не делает нас «ком-

мунистами», во всяком случае не больше, чем День рождения делает нас «деньрождистами». Коммунизм – это интересное занятие, в котором я не хочу участвовать.

Лестница начала лязгать, а помост завибрировал, как камертон. Они глянули через край как раз в тот момент, когда показалась голова Сета.

– Привет голубкам! – он был весь взмокший и дрожал под воздействием чего-то явно волнующего. Губерт Итд схватил его, чтобы тот не кувырнулся через перила. По лестнице поднялся еще один человек – один из трех бородачей, которых они встретили рядом с пивным краном.

– Привет-привет! – Казалось, он тоже был под кайфом, однако Губерт Итд не мог определить это на глаз.

– Вот тот парень, – сказал Сет. – Парень с именами.

– Ты Итакдалее, – сказал новый знакомый, широко расставив руки, как будто хотел обнять брата, которого не видел целую вечность, – а меня зовут Бильям. – Он одарил Губерта Итд долгим объятием пьяного человека. Губерт Итд время от времени встречался с парнями, считал себя открытым для таких отношений, однако Бильям, помимо прекрасных косых глаз, был не в его вкусе и в любом случае слишком обдолбанным. Губерт Итд решительно отстранил его от себя, не без помощи девушки.

– Бильям, – сказала она, – чем вы вдвоем так накидались?

Бильям и Сет посмотрели друг на друга и истерично захихикали.

Она игриво толкнула Бильяма, так что тот отпрыгнул и оступился, закачав ногой над помостом.

– Ага, мета, – сказала она. – Или что-то в этом роде.

Он слышал об этом наркотике, позволяющем иронично и отстраненно взглянуть на окружающие вещи – этакий сиюминутный наркотический экстаз. Конспирологи считали, что его применение стало чересчур распространенным, чтобы быть простой случайностью, говорили, что этот наркотик специально распространяли, чтобы смягчить население, избавить его от ощущения скудности своего существования. Во времена его молодости, восемь лет назад, это средство называлось «Здесь и сейчас». Его давали аудиторам исходного кода и пилотам дронов¹, чтобы их внимание было предельно сконцентрированным и четким, как у роботов. Когда он работал с дирижаблями, то съел, наверное, несколько тонн этого вещества. И благодаря ему чувствовал себя как счастливый андроид. Конспирологи говорили о «Здесь и сейчас» то же самое, что и о «мета». В конце концов, все, что позволяло людям уходить от объективной реальности и концентрироваться на некоем внутреннем ментальном состоянии, можно было трактовать и в пользу выживания вида, и в пользу поддержания равновесия.

– И все-таки, как тебя зовут? – спросил Губерт Итд.

– Какая разница, – ответила она.

– Просто это уже начало сводить меня с ума, – признался

---

¹ Небольшие беспилотные летательные аппараты. – Здесь и далее примеч. пер.

он.

– У тебя все уже записано в адресной книге, – ответила она.

Он закатил глаза. Ну конечно! Он потер интерфейсную полосу о манжету и на мгновение прикоснулся к ней пальцем.

– Натали Редуотер? – спросил он. – В смысле *те самые* Редуотеры?

– На свете много Редуотеров, – ответила она. – Мы тоже из их числа. Не из тех, о ком ты думаешь.

– Но близки, близки! – произнес Бильям из своего наркотического, обрывистого, ироничного мира. – Двоюродные?

– Двоюродные, – ответила она.

Губерт Итд заставил себя промолчать, уходя от «золотой молодежи», «раста-иждивенцев», «фальш-богема» и других слов, которые пронесли в его голове. Это был бы конец их отношениям. Ей совсем не нравилось то, что ее имя было произнесено вслух.

– Двоюродные – это как «отношения с бедными странами», – сказал Сет, все так же остающийся в скрюченном, как уродливый эмбрион, положении, – или двоюродные, как «эй, давай полетаем на твоём небольшом самолёте»?

Губерту Итд было стыдно, и не только потому, что девушка ему понравилась. Он знал людей, которые родились в привилегированных семьях, таких полно крутилось вокруг дирижаблей. Среди них встречались хорошие люди, чьи досто-

инства превосходили незаслуженные привилегии. Сет, как правило, не вел себя по-хамски в таких ситуациях, скорее, именно об этом он никогда по-хамски не шутил, но сегодня под действием веществ его просто понесло.

– Двоюродные, как «достаточно, чтобы беспокоиться в случае похищения» и «недостаточно, чтобы заплатить выкуп», – сказала она с таким видом, будто с трудом повторила некую затертую мудрость.

Появление двух обдолбанных юнцов лишило эту ночь ее особой магии. Внизу станки отбивали постоянный ритм, и снова зазвучало Правило 34, на этот раз сочетая колдовскую музыку, новый романтизм и синхронизируя их с тактом машин. Это не привлекло большого числа танцующих, однако несколько упрямцев продолжали танцевать, радуя глаз прекрасными слаженными движениями. Губерт Итд засмотрелся на них.

Тут произошли одновременно три вещи: сменилась музыка (сайкобилли и дабстеп), он открыл рот, чтобы сказать что-то, и Бильям произнес нараспев, подхихикивая при этом:

– «Влиииип-ли!» – и показал на потолок.

Они устремили туда взгляд и увидели стайку дронов, отсоединившихся от верхнего перекрытия, сложивших крылья назад и ринувшихся вниз в стремительном, визгливом пике. Натали снова надела бороду, Бильям также суетливо задвигал руками, проверяя, на месте ли его борода.

– Сет, маски! – начал трясти своего друга Губерт Итд. Его

друг взял с собой их маски по какой-то очень важной причине, которую, однако, никак не мог вспомнить. Сет выпрямился, поднял брови и самодовольно ухмыльнулся. Прижимая подбородок к груди, Губерт Итд надвинулся на Сета и резко вывернул его карманы. Он прижал маску к своему лицу и почувствовал, как ткань начала неровно прилипать к коже, оставляя бугры и морщины, которые не могли выпрямиться из-за его неровного дыхания, пота и жирной поверхности. Он натянул маску на Сета.

– В этом нет никакой необходимости, – слабо возражал Сет.

– Ага, – отвечал Губерт Итд. – Это все потому, что у меня благородное сердце.

– Ты переживаешь, что они проследят мой социальный профиль и найдут тебя в одной из зон пиковой активности и высокой интенсивности, – улыбка Сета, сиявшая на фоне его почти скрытого в темноте лица, была раздражающе спокойной. И вот она скрылась за маской. Чертова мета. – Тут за тобой и придут. Чувак, они проследят твои данные за несколько прошедших лет и что-нибудь да найдут. Они всегда что-то находят. Они завинтят тебе все винтики, настраивают тебя всевозможными карами, если ты только не станешь наркоманом. Комната 101 от начала и до самого конца, детка...

Губерт Итд врезал Сету по голове снизу вверх, немного сильнее, чем было нужно. Сет беззлобно охнул и заткнулся. Дроны летели, обеспечивая максимальное покрытие, как

стая голубей, приближающаяся к пище. Интерфейсные поверхности Губерта Итд задрожали, определив попытки вторжения, и отключились. Губерт Итд регулярно загружал средства противодействия исключительно для борьбы со злоумышленниками, которые могли походя скопировать идентификационные данные, однако сейчас он испугался, переживая, не слишком ли устарели его обновления по сравнению с возможностями полицейских ботов.

Праздник был испорчен. Танцоры бежали, некоторые на бегу не выпускали из рук мебель. Музыка стала невыносимо громкой, звук был настолько мощный, что мог повредить барабанные перепонки. Губерт Итд прижал руки к ушам, когда один из дронов задел двутавровую балку, завертелся волчком и рухнул на землю. Другой дрон пикировал на блок управления звуковой системой и сбросил ее на пол. Звук, казалось, стал еще громче.

Губерт Итд силой усадил лежащего Сета и показал на лестницу. Убрав ладони от ушей, они начали спускаться вниз. Это было сродни пытке: зверский звук, причиняющие боль вибрации металла под руками и ногами. Натали спустилась и показала на дверной проем.

Что-то тяжелое больно ударило Губерта Итд в голову и плечо, так что он рухнул на колени. Он оперся руками о бетонный пол, встал на ноги, пошатываясь. Перед глазами летали искрящиеся звездочки.

Потом он оглянулся, чтобы понять, что так его ударило.

Несколько секунд пытался разобрать, что перед ним. Бильям лежал на полу, конечности его были вывернуты причудливой свастикой, голова явно была деформирована, а из-под нее вытекала едва различимая в тусклом свете лужа крови. Пытаясь превозмочь головокружение и боль, причиняемую звуком, он наклонился над Бильямом и осторожно потянул за бороду. Она была пропитана кровью. Лицо Бильяма было так разбито, что лишь отдаленно напоминало человеческое: на лбу виднелась уродливая вмятина, задевшая также один глаз. Губерт Итд пощупал пульс на запястье Бильяма, потом на шее, но ощутил только грохот музыки. Он положил руку на грудь Бильяма, пытаясь уловить дыхание, но не почувствовал ничего определенного.

Он поднял глаза и увидел, что Сет и Натали уже достигли двери. Они не заметили, как упал Бильям, не видели, как тот врезался в Губерта Итд. Дрон прошел низко, взъерошив волосы Губерта Итд, которому вдруг захотелось разреветься. Он подавил в себе это чувство, пытаясь вспомнить основы первой медицинской помощи. Не стоит пытаться перемещать Бильяма с места. Но если он останется здесь, то его повяжут. Может, уже слишком поздно. Та часть его мозга, которая была ответственна за трусливое самооправдание, причитала: «Почему бы просто не убежать? Видно же, что ничего нельзя сделать. Он уже, наверное, умер. Уж выглядит точно, как мертвый».

Губерт Итд попытался опознать этот внутренний голос и

решил, что он принадлежал какому-то законченному уроду. Пытаясь мыслить за рамками корыстных логических обоснований, он схватил оброненную кем-то сумку и предельно аккуратно повернул Бильяма в устойчивое боковое положение, подложив сумку под голову. Он пытался зафиксировать тело Бильяма в этом положении с помощью сломанного стула и обрезка трубы, стараясь не смотреть на его косые глаза и вяло болтающуюся голову, как вдруг кто-то схватил его за больное плечо. От этого Губерта Итд чуть не стошнило. Он знал, что рано или поздно придет день, когда он окажется в тюрьме.

Но это был не полицейский, а Натали. Она сказала что-то неразличимое из-за громкой музыки. Он показал на Бильяма. Она наклонилась и посветила на неподвижное тело. Ее стошнило, однако в последний момент, сохраняя хладнокровие, она успела подставить сумку. Губерт Итд отстраненно отметил, что девушка явно не хотела, чтобы в руки полиции попали клетки ее пищевода и ДНК. Так же отстраненно он оценил ее предусмотрительность. Она встала на ноги, снова схватила его за ушибленную руку и силой потянула на себя. Он закричал от боли, но этот звук пропал во всеобщем реве. Потом побежал, оставив Бильяма за спиной.

[II]

Мета отпустила Сета около 4 утра, когда они сидели в

овраге, прислушиваясь сквозь звон в ушах к тихому шуму воды внизу, к шуршанию шин стремительно проносящихся над ними полицейских машин. Он сидел на бревне, все с той же искусственной ухмылкой превосходства на лице, затем заплакал, утопив лицо в ладонях и пригнувшись к коленям, совсем как бесхитростный, не пытающийся ничего доказать ребенок.

Губерт Итд и Натали смотрели на него, не вставая со своих мест у корней деревьев, торчавших там и тут по склону оврага. Наконец, они подошли к нему. Губерт Итд неуклюже обнял Сета, а тот уткнулся ему в грудь. Натали коснулась его руки и что-то прошептала, что показалось Губерту Итд очень *женственным* в самом успокоительном смысле этого слова. Губерт Итд понимал, что Сет плачет, и что это может быть так или иначе обнаружено правоохранительными органами. Это, конечно, несколько мешало ему соперничать Сету, однако для этого и не было веских причин, ведь Сет сам довел себя до ручки: нажрался дерьмовой наркоты на имиджевой тусовке, на которую вообще не стоило приходить, а теперь Губерт Итд был запятнан высохшей кровью, которую невозможно оказалось смыть влажными от росы листьями и соскрести грязными камнями.

Губерт Итд сильнее прижал лицо Сета к своей груди, скорее для того, чтобы никто не услышал этот плач. В ушах Губерта все еще звенело, в голове пульсировала кровь, а подушечки пальцев все еще ощущали мягкую кожу искалеченно-

го лица Бильяма. Он был уверен, что, когда они уходили, Бильям был уже мертв, а значит, они не оставили его умирать на танцполе. И, следуя своей природе, Губерт Итд начал сомневаться в этой уверенности.

Натали похлопала Сета по руке.

– Держись, приятель, – сказала она, – тебя просто отпускает. Напрягись и думай. Так будет гораздо легче, ведь ты можешь думать, когда тебя отпускает мета... Это все было включено в пакет удовольствий. Давай, Стив.

– Сет, – сказал Губерт Итд.

– Сет, – поправилась она. Ей так же хотелось, чтобы Сет замолчал, как и ему. – Давай. Думай. Это ужасно, это отвратительно, но это не твоя настоящая реакция, а всего лишь воздействие наркоты. Давай, Сет, думай.

Она все повторяла «Давай думай». Должно быть, именно это следовало говорить людям, которым было плохо после меты. Он тоже повторил эту фразу, и плач Сета начал сходиться на нет. Пару минут он помолчал, затем тихо захрапел.

Натали и Губерт Итд посмотрели друг на друга.

– Что теперь? – спросила Натали.

Губерт Итд пожал плечами:

– У Сета есть жетоны на машину, чтобы добраться домой. Можем его разбудить.

Натали прищурила глаза:

– Отсюда нельзя отправлять никаких сообщений. Ты точно пришел на праздник при полной блокировке?

Губерт Итд не стал закатывать глаза. Его поколение довело полную блокировку до совершенства, так что их системы полностью отключались по пути на подобные мероприятия. Это было непросто, но те, кто был слишком ленив, чтобы обеспечить свою безопасность, оказывались за решеткой вместе со своими друзьями, поэтому защита стала распространяться повсеместно.

– Мы пришли при полной блокировке, – уверил он девушку.

Они дошли до места, из которого можно было быстро попасть в тысячу разных мест по различным статистически возможным маршрутам, затем выбрали самый длинный путь до Праздника. Они не были идиотами.

– Думаешь, уже безопасно снова включиться?

– Безопасно для чего?

Он заметил, как она едва сдержалась, чтобы раздраженно не закатить глаза.

– Я в том смысле, что теперь риск стал более-менее приемлемым. И если ты спросишь «в какой степени приемлемым», я тебе врежу. Ты считаешь, что будет нормально, если мы снова включимся?

– Мне хочется сказать: «нормально по сравнению с чем?». Я не знаю, Натали. Думаю... – он сглотнул. – Ну, почти уверен, что Бильям... – новый комок в горле, – что он мертв. Такая глупая смерть. Что бы там ни было, я думаю, что копы будут предельно жесткими, потому что труп переводит

все совершенно в иную категорию. С другой стороны, наша ДНК там повсюду, а после минимального анализа нас найдут и посадят при любых обстоятельствах. С другой стороны, то есть с учетом, так сказать, вышесказанного, если мы сейчас включимся, то просто предоставим еще одно доказательство того, что мы там были, а это значит...

– Достаточно этого параноидального бубнежа. Мы не можем включаться.

– А как ты сюда попала?

– Подруга привела, – сказала она. – Я уверена, что она уже дома, греется под теплым одеялом, а когда проснется и встанет, ее уже будет ждать чашка горячего чая.

Впервые в голосе Натали звучала горечь. Губерт Итд понял, что он наполовину замерз, наполовину истощен от голода и хочет пить так, словно вся полость его рта покрылась слоем крахмала.

– Надо идти, – он посмотрел на себя. В серых предрасветных сумерках высохшая кровь была похожа на грязь. – Думаешь, меня пустят таким в метро?

Она вытянула шею, стряхивая с колен упавшие с Сета соломинки.

– Таким – нет. Надень куртку Стива.

– Сета, – сказал он.

– Без разницы, – она достаточно грубо начала трясти Сета за плечо. – Давай, Сет, пора идти.

Они пришли на станцию в 5:30. Губерт Итд был одет в куртку Сета, которая была для него слишком велика, а свою он сложил и держал под мышкой. Пришел первый поезд, и они смешались с сонными работягами, ехавшими на утреннюю смену, и дрожащими после веселой ночи тусовщиками. Работяги строго смотрели на тусовщиков. Работяги хорошо пахли, а тусовщики – нет, во всяком случае так казалось Губерту Итд с его притупленным обонянием. Во время финансового пузыря с дирижаблями он брался за работу с самого утра, так как нужно было успевать сделать много дел в ничего не значащие сроки, которые по никому не понятной причине всегда были экстренными и безотлагательными. На работу он всегда добирался на первом поезде. Да что там говорить, он спал прямо в офисе!

Сета, видимо, окончательно отпустило. С него можно было писать идеальную картину маслом *«Мужчина с наркотического похмелья»*: неряшливые цвета, много тени и штриховки. На холодном воздухе цвет его оголенных рук напоминал солонину, однако Губерт Итд не испытывал угрызений совести из-за того, что реквизирует его куртку.

– Посмотрите на них, – сказал Сет театральным шепотом. – Сама благопристойность. – Там были индийцы, персы, белые, но все как один в этих своих униформах уважаемых лю-

дей труда. Пара работяг посмотрела на них как на дерьмо. Сет перехватил этот взгляд и начал задираться.

– Перестань, – сказал Губерт Итд в ответ на реплику Сета: «Это предельный самообман. Они считают, что смогут что-либо изменить своей зарплатой. Если зарплата могла бы изменить твою жизнь, думаешь, они бы тебе ее платили»?

Это он хорошо сказал. Но Сет нередко пользовался этим измышлением и раньше.

– Сет, – сказал Губерт, добавив в голос металла.

– Что? – Сет выпрямился и выглядел очень воинственно.

Метро Торонто, как и многие другие системы метрополитена, было местом гражданского невнимания. Здесь требовалось нечто исключительное, чтобы другие люди в открытую признали твое существование. И Сет добился своего. Работяги начали глазеть на них.

Натали наклонилась к уху Сета и, закрыв его рукой, что-то прошептала. Он прикрыл рот ладонью и посмотрел по сторонам, затем уткнулся взглядом в свои ботинки. Она чуть улыбнулась Губерту Итд, потом спросила:

– Куда мы едем?

Губерта Итд очень вдохновило это «мы». Ночью они были товарищами по оружию, и у него были ее контактные данные, однако он уже наполовину убедил себя в том, что она поедет домой, оставив его с Сетом.

«У Фрэна»? – спросил он.

Она скривилась.

– А что, они открыты круглосуточно, там тепло, никто нас никуда не выгонит...

– Да, – сказала она. – Но это дыра.

Губерт Итд пожал плечами. Он помнил, когда закрылся последний рестораник «У Фрэна», он еще был подростком. А потом сеть получила второе дыхание, став таким хобби для младшего Уэстона прямо во время прославления его семьи и его связей с городскими институтами власти. Новые рестораны «У Фрэна» не знали отбоя от посетителей, особенно это ощущалось во время специальных мероприятий, когда вместо автоматов блюда разносили живые официанты. Живые люди, разносившие подносы с едой, лишь подчеркивали тот факт, что ресторан был создан для обслуживания посетителей свободно двигавшимися тупыми роботами с минимальным людским надзором. Однако цены были очень низкие, а сидеть там можно было сколько душе угодно.

Он хотел бы предложить что-нибудь получше. Когда ему еще не казалось это пустым и глупым, он постоянно записывал места, куда можно было пойти, если позволяли деньги и была хорошая компания. У Сета и сейчас был такой список, однако говорить с Сетом вовсе не хотелось. Он мечтал, чтобы Сет добровольно вызвался пойти домой и хорошенько выспаться, чтобы избавиться от своей внутренней травмы и наркотического похмелья. Однако это попросту не могло произойти, потому что Сет оставался Сетом.

– Хорошо, – сказала она.

Ее глаза остекленели, она посмотрела на свои колени, накрыла пригоршней интерактивную поверхность на бедре, проверяя сообщения. Это напомнило Губерту Итд, что уже стоит включиться, и его собственные интерфейсные поверхности завибрировали, напоминая о тех делах, которые сегодня предстояло сделать. Он очистил папки входящих сообщений от спама и вирусов. Он отложил активацию предупреждений, чтобы они надоедливо напомнили о себе позже: там было что-то от родителей, от старой подруги, какая-то работа, которую он пытался получить у поставщиков продовольствия.

Они практически доехали до Сент-Клер, и, когда встали, один из работяг с утренней смены занял место Сета. Это был здоровенный мужик со светлой кожей, носом, похожим на большой клюв, и консервативной прической до воротничка. Он был одет в дешевое пальто, под которым виднелась какая-то униформа, возможно даже медицинского учреждения.

– Эй ты, – сказал он, наклонившись вперед. – Болтливый маленький засранец, все прожиралось пособия и веселишься по ночам? Иди найди себе какую-нибудь долбаную работу.

Сет отпрянул от него, но мужик последовал за ним. Они качались, пытаясь удержаться на ногах в замедляющем ход составе. Надпочечники Губерта Итд расширились, занимая непонятно откуда взявшиеся полости, и начали усиленно выделять адреналин. Сердце бешено колотилось. Кто-то дол-

жен был получить по физиономии. Мужик был действительно огромным и пах мылом. Люди и стены вагона были обвешаны камерами, однако мужику, по всей видимости, было все равно.

Натали положила руку мужику на грудь и попыталась сильно толкнуть. Он удивленно посмотрел на тонкую женскую руку на своей груди и перехватил своей огромной клешней запястье. Она размахнулась свободной рукой и ударила его по груди сумкой, которая от удара открылась, и вся холодная рвотная масса стекла из нее вниз по его груди. Натали смотрела на это с неменьшим отвращением, чем сам мужик, который, однако, отпустил руку, отпрянул назад, так что она успела выскользнуть с Губертом Итд и Сетом в закрывающиеся двери вагона. Когда они повернулись, мужик недоверчиво обнюхивал свою руку, говоря на языке своего тела: *Я просто не могу поверить, что ты вылила на меня целую сумку блевотины...*

– Натали, – сказал Сет на эскалаторе, когда другие пассажиры, вышедшие из того же вагона, отошли от них на безопасное расстояние, – почему ты носишь всякую тошноту в сумочке?

Она покачала головой:

- Я совершенно об этом забыла. Мне стало плохо, когда...
- она закрыла глаза, – когда увидела Бильяма.
- Я тоже об этом забыл, – сказал Губерт Итд.
- Надеюсь, оттуда ничего важного не вывалилось, когда я

стукнула этого придурка, – сказала она. Ее сумочка, средних размеров, с винтажным абстрактным узором на искусственной коже, висела у нее через плечо. Она осторожно открыла сумочку и скривилась, взглянув в эти отвратительные внутренности.

– Я понятия не имею, как это очистить. Я бы выбросила ее прямо сейчас, но внутри наверняка есть то, что еще можно отмыть.

Сет наморщил нос:

– Перчатки и маска. И чья-то рвота. Подруга, ты вообще чтоела?

Она сердито посмотрела на него, но на губах читалась легкая ухмылка.

– Пригодилось ведь, разве нет? Стив, мы провели просто дерьмовую ночь. Можно же было не выпендриваться, ни с кем не цапаться?

Ему хватило ума, чтобы показать, что его пристыдили. Гурберта Итд пробрало от ревности с головы до ног, и он захотел столкнуть Сета вниз по эскалатору. Он сказал:

– Сейчас все в плохой форме. Надо что-то съесть. И выпить кофий.

Сет и Натали воспрянули при упоминании кофий.

– Дааааа, – протянула Натали, – пойдёмте быстрее! – Она поспешила вверх, перешагивая по две ступеньки за раз, и вскоре они прошли турникеты, вышли в мерцающее яркое утро, погрузившись в толпу элегантных людей, направляв-

шихся этим субботним утром за покупками в яркие и стильные павильоны. Заново отстроенный ресторанчик «У Фрэна» представлял собой узкий стеклянный фасад между салоном компании по перепланировке ванных комнат и каким-то местом, где продавались гигантские бетонные статуи.

– Помните неоновые вывески «У Фрэна»? – спросил Губерт Итд. – Такой потрясающий был цвет: «дикий красный». – Он показал на светодиодный тубус. – Это кажется просто каким-то издевательством! Хочется подкрутить ползунков гаммы цветов нашей реальности.

Натали весело посмотрела на него. Они сели на диваны у свободного столика, который сразу же зажегся, высветив различные меню. Когда биометрические датчики автоматов распознали их, на соответствующем меню перед каждым появились приветственные выноски с указанием прошлых заказов. Губерт Итд увидел, что Натали в прошлый раз заказывала лазанью с двойным чесночным хлебом и что это было четыре года назад.

– А ты нечасто здесь бываешь, а?

– Была всего один раз, – ответила она. – В день открытия. – Она некоторое время касалась меню, заказывая двойной шоколадный солод, хэш из солонины, драники, дополнительный HP-соус² и майонез, а также половину грейпфрута с тростниковым сахаром. – Мы были приглашены Уэсто-

---

² HP-соус – соус, который выпускался компанией HPFoods в Великобритании. Считается одним из символов британской культуры.

ном. Семейные дела. – Она посмотрела ему прямо в глаза, провоцируя сболтнуть что-нибудь о ее привилегиях. – Ты говоришь, неоновая вывеска? Мой папа ее купил. Сейчас она висит в нашем коттедже рядом с Мускокас.

Губерт Итд мужественно попытался сделать так, чтобы ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Мне хотелось бы когда-нибудь увидеть ее, – сказал он спокойно. Потом подождал, не добавит ли чего Сет.

– Меня зовут Сет, а не Стив. – Его самодовольную ухмылку нельзя было ни с чем спутать. Он наклонился через стол и прокрутил заказ Натали, перетащив копию на свой столовый набор.

– Какого хрена, – Губерт Итд схватил заказ Сета и скопировал его и на свой столовый набор. Они выбрали большой сосуд кофия, и Натали хлопнула ладонью по кнопке отправки заказа.

– Ну давай, – сказала Натали, – скажи все, что ты думаешь.

– А что тут говорить, – ответил Губерт Итд. – Твоя семья знает Уэстонов.

– Да, – сказала она, – знаем. Ведь мы «Тасо».

Губерт Итд кивнул, как будто всегда знал значение этого слова, однако Сету совсем было не ведомо чувство стыда. – Что такое «Тасо»?

– Традиционные аристократические семьи Онтарио, – ответила она.

– Никогда не слышал такого термина, – сказал Сет.

– Я тоже.

Она пожала плечами:

– Нужно принадлежать «тасо», чтобы знать, что такое «та-со». В летнем лагере ни у кого с этим не было проблем.

Тут к их столу пристыковался колесный робот, на котором были установлены заказанные блюда. Они сняли верхний поднос, повернули карусель, чтобы снять следующий, потом пришла очередь третьего. На четвертом подносе стоял кофий. Натали поставила его на стол, а Губерт Итд не мог наглядеться, как напрягались мышцы на ее руке. Он заметил, что она не брила подмышки, и почувствовал некую интимность этого своего открытия. Они разобрали тарелки и налили кофий.

Он взял ярко-красную черешню с самого верха горки из взбитого крема на своем коктейле и съел ее вместе с черенком. Натали сделала то же самое. Сет ошпарил язык кофием и, размахивая руками, разлил воду со льдом.

Натали превратила край своей тарелки в палитру, где намешала бежевую смесь из HP-соуса и майонеза. Она насаживала на вилку небольшие порции еды, тщательно вымешивала их в этой смеси и отправляла в рот.

– Выглядит просто *отвратительно*, – это сказал Сет, а не Губерт, так как он не хотел показаться нахалом. Сета же можно было сравнить с портативным внешним идентификатором. Не всегда удобен, не всегда приемлем, но, тем не менее, полезен.

– Это называется «смуглая любовь», – девушка промокнула губы полосатой красно-белой салфеткой, помедлила мгновение, ожидая, что Сет сделает какой-нибудь пошлый намек, но тот молчал. – Изобретено еще в школе. Не хочешь попробовать, твое дело.

Она насадила на зубцы еще кусок драника и нацелила вилку на своих собеседников. Поддавшись ее убедительному тону, Губерт дал ей отправить этот кусок прямо ему в рот. Это было на удивление вкусно, а от звука удара зубов о вилку у него пошли по коже приятные мурашки, словно он только что облегчился после нескольких выпитых кружек пива.

– Это просто фантастика! – и он действительно имел это в виду. После чего начал готовить собственную смесь, сверяя цветовой оттенок по тарелке Натали.

Сет отказался пробовать, чему Губерт Итд втайне порадовался. Еда в этом заведении была лучше, чем прежде, насколько он мог вспомнить, но точно дороже. В его бюджет не были заложены эти посиделки, и Губерт горестно прикинул, насколько отощает его счет.

Он размышлял над этим, стоя над писсуаром, вдыхая запах мочи с активной культурой, напоминавший запах спаржи. Думая о деньгах, об этом запахе, он почти что заставил себя остановиться и решил было сбегать за кружкой, чтобы сохранить немного культуры на потом. Бесплатное пиво было бесплатным пивом, даже если в качестве основы бралось уже использованное пиво. Вся вода, в сущности, была ис-

пользованным пивом. Но все ушло в слив, прежде чем его мысли смогли побудить какие-либо действия.

Когда он вернулся к столу, рядом с Натали уже сидел какой-то пожилой мужчина.

Его шевелюра была аккуратно подстрижена, а кожа лоснилась, как на лучшей фешенебельной мебели. На нем был фабричный, крашеный в цвет цемента вязаный кардиган с крапчатыми роговыми пуговицами, пришитыми ярко-розовыми нитками. Под кардиганом – черная футболка, позволявшая оценить его мускулистую грудь и плоский живот. На пальце мужчина носил простое обручальное кольцо, ногти на руках были короткие, чистые и ровные с нарочито-показным отсутствием маникюра.

– Привет, – сказал он. Губерт Итд сел напротив. Мужчина протянул руку. – Меня зовут Джейкоб. Я отец Натали.

Они пожали друг другу руки.

– Меня зовут Губерт, – сказал он одновременно с репликой Сета «Зовите его Итакдалее». – Зовите меня Губерт, – повторил он. Его внешний идентификатор был настоящим шилом в заднице.

– Приятно познакомиться, Губерт.

– Мой отец следит за мной, – сказала Натали, – поэтому приехал сюда.

Джейкоб пожал плечами:

– Могло быть и хуже. Я же не прослушиваю твой телефон. Всего лишь использую общедоступную информацию.

Натали положила вилку и отодвинула от себя тарелку:

– Он покупает записи с камер слежения, отчеты по кредитным картам, которые составляются в режиме реального времени, рыночную аналитику. Типа, проверка биографических данных кандидата на должность. Однако делает это постоянно.

Сет сказал:

– Это ненормально. И дорого.

– Ну, не так уж и дорого. Могу себе позволить.

– Папа уже перешел в категорию старых богачей, – сказала Натали. – Деньги его совсем не волнуют. А вот бабушка с дедушкой такими не были. Он знает, что фактически является представителем другого биологического вида, и не может понять, почему это не следует скрывать.

– А моя дочь все играет в ту же надоевшую игру: как смутить меня на людях. Начала еще в десять лет и с тех пор постоянно совершенствуется. Однако меня не так просто вывести из равновесия.

– А почему тебя вообще должно что-то смущать? Чтобы смутиться, тебе не должно быть все равно, что думают о тебе другие люди. А тебе вообще наплевать, поэтому какое уж тут смущение!

Губерт Итд смутился за них обоих, почувствовал, что нужно хоть что-то сказать, хотя бы для того, чтобы Сет не перетянул на себя все внимание.

– Мне кажется, что ему не все равно, что ты о нем дума-

ешь, – рискнул он.

И отец, и дочь ухмыльнулись, и тотчас же явственно проявилась поразительная семейная схожесть, вплоть до идентичной двойной ямочки на правой щеке.

– Поэтому я так себя и веду. Я словно посредник для общения с любым человеком, недостойным его внимания. И в этом посредничестве нет ничего веселого, независимо от того, что он там себе думает.

– Я не замечал, чтобы ты отказывалась от своих привилегий, Натти, – сказал Джейкоб, обняв ее за плечи. Он позволила ему поддержать руку в течение, казалось, строго вымеренного времени, затем сбросила ее.

– Не надо, – сказала она.

Его молчание было красноречиво скептическим. Он передвинул ее тарелку на свое место, нажал на появившееся на столе сообщение «ЗАПРЕЩАЕТСЯ ДЕЛИТЬСЯ ЕДОЙ» и помахал контактной поверхностью на своем рукаве над этим сообщением, затем нарисовал графический ключ большим и указательным пальцем. Он съел последний хэш из солонины и потянулся за ее коктейлем. Она остановила его, сказав: «Это мое». Он довольствовался парами глотков ее кофия.

– Ну что, может, пригласишь своих маленьких друзей на свой детский праздник? – Он вытер рот и поставил тарелки на робота, который пристыковался к столу.

– Вы, мальчики, не хотите помыться?

Сет стукнул по столу, так что меню заплясало, пытаюсь

понять эти новые инструкции.

– Классно, брат, и вечером поедим!

Губерт Итд пихнул его локтем.

– Надо рассчитаться, наверное, – сказал он.

– Все уже сделано, – ответил Джейкоб.

Он подвигал своим рукавом, потом сказал:

– Машина приедет через пару минут.

[III]

Конечно, эта машина была не из службы проката автомобилей. Редуотеры – одна из старинных и славных фамилий: был мэр Редуотер, генералы Редуотеры, министр финансов Редуотер и много всяких исполнительных директоров Редуотеров. Машина все же оказалась небольшой, для ограниченного числа пассажиров, однако бесспорно отличалась прочностью, надежностью и, самое главное, матовыми резиновыми шинами на колесах. Губерт Итд подумал, что если заглянуть под кузов, наверняка увидишь нечто любопытное. Многие детали этой машины казались интригующими, например малоприметный логотип «Лонджинс»³ в самом углу лобового стекла. Подвеска сделала что-то умное, активно скомпенсировав его вес, и это так отличалось от повсеместных допотопных пружин! Он разместился на сиденье, обращенном

---

³ Марка дорогих швейцарских часов.

назад, и увидел, что окна на самом деле вовсе не являются таковыми. Это была толстая броня, покрытая экранами высокого разрешения. Джейкоб сел на другое откидное сиденье и скомандовал:

– Домой!

Машина дождалась, пока все пассажиры усядутся и пристегнут ремни безопасности, затем тронулась и проворно нырнула в поток автомобилей. С его места было хорошо видно, как все остальные машины просто разъезжались в стороны, уступая им дорогу.

– Я, наверное, никогда так быстро не ездил в городских пробках, – сказал он.

Джейкоб ему по-отечески подмигнул.

Натали дотянулась через большой внутренний отсек и шлепнула отца по бедру.

– Он выпендривается. Здесь установлена особая прошивка, которая позволяет наполовину сокращать стандартный габаритный допуск, что заставляет другие машины отъезжать в сторону, ведь мы сейчас несемся как непредсказуемые козлы.

– А это вообще легально? – спросил Губерт Итд.

– Это гражданское правонарушение, – сказал Джейкоб. – Штрафы оплачиваются прямым списанием средств.

– А что, если вы кого-нибудь убьете? – Сет, как всегда, смотрел в корень.

– Это уже уголовное дело, а значит, более серьезно. Одна-

ко этого не произойдет. В прогнозировании, которое выполняет машина, очень многое взято из теории игр. Выполняется моделирование различных съездов и выездов, закладывается очень большой коэффициент безопасности. Конечно, здесь все круче, чем в заводской прошивке, но это исключительно потому, что у данной машины более высокие характеристики торможения, ускорения и управления, чем у простых серийных автомобилей.

– А еще потому, что вы просто пугаете системы, установленные на других машинах, и те уходят в сторону, – сказал Сет.

– Все верно, – сказала Натали, прежде чем ее отец смог что-либо возразить.

Тот пожал плечами, и Губерт Итд вспомнил, как она выразилась о нем как о «старом богаче», который даже не думал, что кому-то может не понравиться купленная им возможность быстрого движения в транспортном потоке.

Они мчались по улицам города. Натали закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Под ее глазами стали заметны темные круги, она была напряжена, и это напряжение чувствовалось с той минуты, как появился ее отец. Губерт Итд старался не смотреть на нее.

– Где вы живете? – спросил Сет.

– Овраг Эглинтон, рядом с Парквей, – ответил Джейкоб.
– Я построил там дом около десяти лет назад.

Губерт Итд вспомнил школьные походы в Научный центр

Онтарио, попытался вспомнить там овраг, но в памяти всплыл только лес, который мелькал за окнами ускоряющегося школьного автобуса.

Пища, что он съел в «У Фрэна», увесистым камнем давила на его желудок. Он подумал о крови на своей одежде и следах ее под ногтями, о грязи на ботинках, которая теперь комьями прилипала к роскошной обивке сидений. Машина резко устремилаь вперед, и в его животе заурчало. Машина затормозила и быстро перестроилась в другую полосу движения, едва не задев ехавшую сзади машину: маленький арендованный автомобиль, пассажир которого, элегантная арабская дама в офисном маникюре тревожно смотрела на них, пока они не перестроились в следующую полосу.

[IV]

Три дома стояли в ряд, обращенные окнами на противоположный край оврага, в конце извилистой, изъезженной дороги, скрытой в густой сени деревьев. Дверь гаража отъехала в сторону, когда они подкатили к крайнему правому дому. Она закрылась, после чего сработал замок: огромные блестящие металлические стержни ушли глубоко в пол, в стены и потолок. Двери машины открылись, и Губерт Итд оказался в большом, хорошо освещенном помещении, которое простиралось под всеми тремя домами и было наполнено различными транспортными средствами. Джейкоб подал руку На-

тали, но она проигнорировала этот жест и, выходя, чуть споткнулась, пытаясь сманеврировать так, чтобы отец не взял ее за локоть.

– Пойдемте, – сказала она Губерту Итд и Сету, направившись к другому концу гаража.

– Спасибо за поездку, – проговорил Губерт Итд, ускоряя шаг, чтобы успеть за девушкой. Джейкоб облокотился на машину, наблюдая, как они уходят. Губерт Итд так и не смог понять выражение, застывшее на его лице.

Девушка провела их по узкой лестнице в просторную неприбранную комнату, где можно было сесть на диваны и смотреть в огромное панорамное окно с видом на овраг – зеленый, крутой обрыв, в низине которого текла белая, пенящаяся река Дон, спускаясь перекатами к озеру Онтарио. В комнате странно пахло несвежим бельем и немытой посудой – запах, который тщетно пытались заглушить ароматическими свечами. Одна стена от пола до потолка была обляпана детскими пальчиками, которые обмакивали в краску, изрисована фломастерами, блестящими маркерами и шариковой ручкой.

– Детское крыло, – сказала она. – Моя сестра учится сейчас в университете Рио, поэтому я здесь совершенно одна. Родители заходили сюда, наверное, раз пять, не больше, с тех пор, как построили дом.

– И все это – один дом? – спросил Губерт.

– Да, – ответила она.

– По тому, как этот дом построен, нельзя сказать, что вы хотели выглядеть богатыми в глазах других людей, – заметил он.

Она покачала головой:

– Тут вся проблема была в зонировании. Люди на другом краю оврага, – она махнула рукой в сторону окна, – не хотели смотреть во время завтрака на гигантский дом. Они богатые люди, и мы богатые люди, комиссия по зонированию не знала, что делать, папа договорился, что построит гигантский дом, который будет смотреться как три разных дома.

Она сбросила лишние вещи с дивана.

– Еда в кладовке. Я пойду в ванную комнату этажом выше. Вы можете воспользоваться той, что находится этажом ниже. Можете использовать любые туалетные принадлежности.

Она поднялась по лестнице и скрылась за углом.

Сет многозначительно посмотрел на Губерта Итд и ухмыльнулся. Бессловесный комментарий к тем романтическим чувствам, которые пробудились у него к Натали. Однако сейчас Губерт был совершенно не в настроении. Недавно он держал на руках мертвого человека. Он был покрыт кровью, очень устал и практически засыпал.

– Я простою под душем целый час, – сказал он, – поэтому лучше иди первым.

– А откуда ты знаешь, что я не простою под душем целый час? – и снова эта сводящая с ума ухмылка Сета.

– А ты не стой, – он заметил полотенца на полу у каменно-

го камина. Передав одно полотенце Сету, он встряхнул другое и положил его на каминную полку.

Рядом стоял розжиг, лежали газеты и щепки. Он развел огонь, потом нашел большую футболку, почти без запаха, с имитацией прожженных дырок практически по всей поверхности, а также пару трико, которые, как он подумал, вполне ему подойдут. Он снял свою рубашку, штаны и куртку, затем бросил их в огонь. Он не знал, на что способны криминалисты, если примутся изучать кровь на его одежде после стирки, однако точно был уверен, что пепел ничего им не скажет. Вшитые интерактивные поверхности расплавились и едко задымили. Он походил туда-сюда в незнакомой одежде, размышляя, кому она принадлежала. Может, Бильяму?

Натали вышла из-за угла и встала, окинув взглядом и своего гостя, и царивший здесь беспорядок.

– Стив в ванной?

– Сет. Да.

– Можешь сходить в мою, пойдем.

Вот так запросто он оказался в спальне у странной девушки. По виду спальни можно было сделать вывод, что ее владелица еще совсем недавно училась: сертификаты в рамках, полки, уставленные учебниками и наградами, прикрепленные к стене плакаты различных музыкальных групп и умных изречений, поверх которых то здесь, то там были развешены политические плакаты. На столе грудой валялись сло-манные интерактивные поверхности, тщательно изготовлен-

ные вручную вейперы, способные испарить титан в ингалируемый дым. Ворох бумажных денег, свидетельствовавших о каких-то незаконных операциях, и громоздкий, наполовину функционирующий сеточный экран по стенам, полу и потолку – попытка ребенка защитить себя от родительского электронного надзора. Эта оперативная безопасность была выстроена лучше, чем то, что создавал в юности Губерт Итд, но он не был уверен, что она работает как задумано.

Натали была одета в свободную пижаму с черно-белыми полосами, на ней не было лифчика, но он не глазел и даже не пытался подглядеть. Она провела рукой по краю двери в ванную комнату: это место засалилось за долгие годы из-за постоянных прикосновений пальцев и ладоней, выглядело грязно, однако дверь открылась.

– Полностью в твоём распоряжении.

Он прошёл в дверной проём и повернулся, чтобы закрыть дверь. Она смотрела на него:

– Можешь оставить одежду себе, – в её глазах стояли слезы.

– Мне... – он запнулся. – Мне очень жаль, что такое случилось с Бильямом.

– Мне тоже, – слеза покатила по её щеке. – Он был уродом, но нашим уродом. Слишком быстро удеывался на любой вечеринке. И в этом его вина. Мне будет его не хватать.

Еще одна слеза.

– Хочешь, обнимемся?

– Нет, спасибо. Просто иди в душ.

Ванная комната ничем не отличалась от тех, что обычно устанавливают в выставочных залах. Активное шумоподавление делало звук льющейся воды практически неслышимым; интеллектуальные алгоритмы управления струями повышали и понижали давление, прогнозируя, куда он хотел направить струю и какую мощность использовать; интерактивные поверхности по двойному нажатию превращали все, что угодно, в зеркало, так что он мог хмуро рассматривать свою задницу и затылок; после того, как он выключил воду, циркуляторы воздуха начали приятно обдувать его теплым потоком, одновременно устраняя конденсат на всех поверхностях ванной комнаты.

– Извини, – сказала она. В ее глазах уже совсем не было слез. Он вытянул руку с использованным полотенцем и вопросительно посмотрел на Натали. Та взяла полотенце и бросила его на пол.

– Пойдем посмотрим, что там делает Стив.

– Сет.

– Да какая разница.

Сет нашел кладовку и очистил кофейный столик, аккуратно сложив все вещи на незанятый участок пола. Он освободил три стула. На столе возвышалась ваза с фруктами, чайник, кружки и круассаны, пахнущие просто восхитительно.

– Перекусим?

– Молодец, Стив! – Натали была вполне искренна.

– Обращайтесь в любое время, – Сет даже не стал ее поправлять.

Они ели в полной тишине. Губерт Итд хотел спросить о доме и о еде. О Бильяме, празднике, о том, кто был третьим человеком с бородой, о другой девушке, соучастнице преступления. Однако сон уже сковывал его тело, его веки слипались. Натали посмотрела на него и на Сета, который также готов был упасть со стула, и сказала:

– Ладно, мальчики, ложитесь на диванах. Я тоже пойду спать.

Она поднялась наверх, а Губерт Итд растянулся на наименее загроможденном диване и закрыл глаза, уткнувшись лицом в щель между диванными подушками. Прежде чем заснуть, на мгновение он увидел скрюченное тело Бильяма и явственно ощутил на своих пальцах бесформенную массу, вытекавшую из его черепа. Его пробрало от макушки до пят, сверху вниз и обратно, а потом он погрузился в успокоительный сон.

* * *

Разбудили его приглушенные голоса. Мутным взглядом он прошелся по комнате, пытаясь сориентироваться: спина Сета на противоположном диване, стена, разукрашенная детскими пальчиками. Он поднял голову, пытаясь преодолеть ударившее в затылок ощущение похмелья, и с трудом

определил, откуда слышится разговор. Натали стояла в дверном проеме в дальнем конце комнаты и приглушенно спорила с кем-то через открытую дверь. Другой голос принадлежал взрослому мужчине и звучал так спокойно, словно говорил автомат. Джейкоб. Он тяжело опустил голову. Надо было вставать. Мочевой пузырь был до боли переполнен.

Так же странно и неловко, как происходило все в его жизни, одетый в чужую одежду, с диким похмельем, в чудной комнате, где странная привлекательная девушка спорила со своим богатым отцом, он, стараясь не привлекать внимание, начал пробираться к туалету. Натали посмотрела на него с ничего не значащим выражением лица и вернулась к своему спору.

Когда Губерт Итд вернулся, вытирая руки о заднюю часть трико, Натали и ее отец сидели с каменными выражениями лиц друг напротив друга. Джейкоб сел на диван, с которого только что встал Губерт Итд, а девушка сидела на стуле. Сет спал.

Губерт прошел к кладовке: включилось мягкое внутреннее освещение, он увидел дверь с другой стороны и понял, что какие-то *слуги* наполнили ее. Он достал морковь, сельдерей и хумус, положил на поднос, а поднос поставил между двумя Редуотерами. Те смотрели друг на друга, не мигая.

– Спасибо, Губерт, – сказал Джейкоб Редуотер, сунул морковь в хумус, но есть не стал.

Губерт сел рядом с ним, так как больше садиться было

некуда.

Натали сказала:

– Губерт, что важнее: права человека или права собственности?

Губерт Итд поставил вопрос несколько иначе. Этот ему показался слишком некорректным.

– А права собственности являются правом человека?

Джейкоб улыбнулся и хрумкнул морковью, а Губерт Итд почувствовал, что он сказал что-то не то.

Натали была мрачнее тучи.

– Ты мне скажи. Тот завод, что мы вчера включили. Он и списанным-то стоит больше, чем стоил, когда работал. Какая-то владевшая им организация потребовала, чтобы он стоял и гнил без всякой пользы, хотя много людей нуждались в его продукции.

– Если им нужен был завод, они должны были купить завод, – сказал Джейкоб.

– Мне не кажется, что такие люди смогут купить завод, – сказал Губерт Итд, взглянув на Натали, как бы спрашивая у нее разрешения. Она нехотя кивнула.

– Для этого и предназначены фондовые рынки, – сказал Джейкоб. – Если ты планируешь зарабатывать с помощью актива, который больше никем не используется, ты составляешь бизнес-план и идешь с ним к инвесторам. Если ты прав, один из них обязательно тебя профинансирует, а может, и не один. Потом ты продаешь то, что изготовил.

– А что, если никто не профинансирует? – спросил Губерт Итд. – Я знаю сотни молодых компаний, которые начинали заниматься дирижаблями, а потом попросту закрылись, потому что не могли получить деньги, даже если и производили классные вещи.

Джейкоб глубоко вздохнул, как будто пытался растолковать сложный вопрос малому ребенку.

– Если никто не хочет финансировать, значит, твоя идея слишком плоха для финансирования или ты не тот человек, который сможет воплотить эту идею в жизнь, так как не можешь никого уговорить вложить в тебя деньги.

– А разве это не замкнутый круг? – спросила Натали. – Если ты не можешь никого убедить заплатить деньги и запустить завод, чтобы производить нужные для людей вещи, то этот завод вообще не следует запускать?

– А какое решение предлагаешь ты? «Бесплатно для всех»? Пришел, сломал двери и сказал: «Это теперь мое»?

– А почему нет, если завод больше никому не нужен?

Взгляд у отца был таким, как будто он разговаривал с несмышленным младенцем:

– Потому что он не твой.

– И что?

– Натти, ты ведь не будешь радоваться, если толпа вломится в этот дом и вынесет отсюда все твои драгоценные вещи?

Зная ее всего один день, Губерт Итд уже понял, что Ната-

ли не хотела, чтобы ее звали «Натти». Знал это и Джейкоб, просто пытался подловить свою дочь, расставляя сети. Это было нечестно.

– Мне было бы все равно, – сказал Губерт Итд. – Мне нечем похвастаться в житейском плане, а для всего, что имеет значение, есть резервные копии. То есть, если я могу найти кровать и одежду на завтра, то мне будет все равно.

– У Натти здесь, в ее гнездышке, есть гораздо больше всяких ценностей, нежели чем обычная смена белья и кровать, – ответил Джейкоб. – Натти нравятся хорошие вещи.

– Нравятся, но мне хочется, чтобы они были и у всех остальных, – казалось, что этот взгляд мог разрезать сталь.

– Ну так пускай они все это заработают, как заработала наша семья.

Натали фыркнула.

Джейкоб посмотрел на Губерта Итд:

– Ты был на той вчерашней вечеринке?

За окном-картиной смеркалось, розово-красный свет покрывал овраг, причудливо раскрашивая рябь реки.

– Был.

– Как ты воспринимаешь взлом частной собственности и кражу того, что там лежит?

Губерт Итд пожалел, что не притворился спящим. Он был абсолютно уверен, что Сет лежал сейчас и делал вид, что спит.

– Никто ведь не использовал этот завод, – он посмотрел

на Натали. – Водородные ячейки были наполнены, поэтому ветряные генераторы крутились вхолостую. Сырье практически ничего не стоило.

Натали сказала:

– В чем смысл частной собственности, если она попросту сгниет?

– Ой, я тебя умоляю! Частная собственность – самая эффективная собственность. И временная потеря производительности ничего не меняет. Только всякие психи и недалекая шпана думают, что кража чужой собственности – это разновидность политической деятельности.

– Только клептократы используют терминологию «временная потеря производительности», описывая такие расточительные извращения, как тот завод «Муджи».

– Очень легко говорить о клептократах, когда папочка позвонил кому-надо, чтобы убрать полицейских подальше от твоей ленивой задницы. Натти, они арестовали сегодня очень многих, но не тебя вместе с твоими друзьями.

– Не выдавай за щедрость свой политический позор. Дай им меня запереть.

– Может, и дам. Два года тяжелой работы в тюрьме заставят тебя оценить то, что ты имела.

Она посмотрела на Губерта Итд:

– Он пугает меня отправкой в тюрьму с десяти лет. Раньше пугал страшными местами на частных островах, пока их все не закрыли за «коррекционные изнасилования». Теперь

пришла очередь тюрем для совершеннолетних. А в конце концов, папа, почему бы нет? Ты один из крупнейших акционеров во всех этих тюрьмах, они сделают тебе скидку. Я, можно сказать, тесно познакомлюсь с семейным бизнесом – так сказать, взгляд изнутри.

Джейкоб демонстративно рассмеялся.

– Как будто я доверю тебе руководить чем-либо! Бизнес – это меритократия, дитя мое. Ты считаешь, что получишь какое-нибудь теплое местечко, потому что ты мой ребенок...

– Я ничего не считаю, тем более что никаких «рабочих мест» не осталось. Только финансовая инженерия и политика. И я полный ноль в обеих областях. Более того, я не могу даже спокойно выговорить слово «меритократия».

Губерт Итд заметил, что она попала точно в цель. Это ободрило его:

– Согласитесь, это корыстный взгляд с каких-то заоблачных высот, где, замкнутые в порочном круге, сидят нескольких человек. «Мы лучшие из известных нам людей, мы на вершине мира, поэтому у нас тут такая меритократия. Откуда мы знаем, что мы лучшие? Потому что мы наверху. Что и требовалось доказать». Самое примечательное в меритократии – то, что множество выдающихся отраслевых лидеров не замечает одного: она слеплена из настолько радиоактивно очевидного дерьма, которое разглядит даже слепой. – Он мельком взглянул на Натали. Та одобрительно кивнула, и это придало ему дополнительные силы.

Джейкоб выглядел очень разозленным. Отстраненно Губерт Итд подумал: как такой всемогущий человек смог оказаться настолько ранимым? Джейкоб встал и посмотрел на них.

– Болтать легко, но, насколько мне не изменяет память, вы двое не сделали чего-нибудь значимого для других и полагались только на «дерьмо», которое не дало вам оказаться за решеткой.

– Вот, опять ты про тюрьму! Наверное, тюрьма – это единственный способ победить в споре, если ничего больше придумать не удастся.

– Это традиционный способ, – сказал Сет, отрывая лицо от подушек. – Испанская инквизиция. СССР. Саудовская Аравия. Гуантанамо.

Джейкоб вышел, с чувством собственного достоинства закрыв межкомнатную дверь. Он даже не хлопнул ей, но смог показать свою раздраженность. Губерт Итд чувствовал себя победителем.

– Какая-то шумная здесь гостиница, – Сет перевернулся на спину, потянулся так, что оголился его волосатый живот, ставший более рыхлым с тех пор, как Губерт Итд лицезрел его в прошлый раз.

– Однако обслуживание номеров на высоте, – заметил Губерт Итд, – а по ценам вообще конкурентов не найти.

Сет сел.

– Это что, твой папа?

– Я понимаю, что ненависть к предкам – жуткий штамп, когда тебе исполнилось двадцать, но он такой козел, – сказала Натали. – Он реально верит в эту меритократию. Вот на полном серьезе верит. Ему остался один шаг до того, чтобы заявить о том, что в его венах течет королевская кровь.

– Вот чего я никогда не понимал, – сказал Губерт Итд, – так это как человек может настолько заблуждаться и владеть при этом половиной планеты? Я еще могу понять, насколько полезны могут быть заблуждения, когда ты командуешь людьми и обдираешь всех подряд, но ведь это рано или поздно дает сбой? На дворе все еще капитализм. Если твой конкурент привлекает кого-нибудь, не обремененного такими заблуждениями, он же просто тебя обанкротит!

Натали сказала:

– Можно быть умным в разных областях. Такие люди, как папа, полагают, что если они умны и знают, как быть злыми уродами, то они умны во всем и всегда...

– А так как они умны во всем и всегда, – подхватил Сет, – то нет ничего страшного в том, чтобы быть злыми уродами?

– Именно так, – сказала она, – поэтому такие люди, как мой отец, точно знают, как вынести твою компанию с помощью «умных людей», чтобы ее объявили незаконной, чтобы можно было завладеть всеми ее наработками, или же просто купить ее, извлечь максимальную финансовую выгоду, с толком использовать ее, чтобы в конце от нее не осталось ничего, кроме экзотических вторичных ценных бумаг и налого-

вых субсидий. Но ведь и этого ему недостаточно! Он *хочет* считать, что он в числе одного процента от одного процента от одного процента тех, кто наверху, потому что обладает всевозможными талантами и добродетелями, а не потому что система в корне порочна. Вся его самоидентификация основана на той идее, что система полностью легитимна и он получил свое место в ней благодаря своим трудам и заслугам, а все остальные – просто нытики.

– Если они не хотели жить в бедности, то должны были использовать смекалку, чтобы родиться в богатстве, – сказал Сет.

– Без обид, – добавил Губерт Итд.

– Все в порядке, – она порылась в груди одежды и вытащила свободный вязаный кардиган цвета баклажана, на рукаве которого висели скрученные трусики. Она раскрутила их над головой и запустила в сторону лестницы. – Я знаю, что моя семья богаче Скруджа МакДака⁴, но я не притворяюсь и не говорю, будто причиной тому служило что-либо, кроме удачи в далеком прошлом, а также незаконные доходы, коррупция и непорядочность, что позволило увеличить прибыль от этой былой удачи и построить себе такое место, как это, и еще десятки других.

– А что насчет прошлой ночи? – спросил Губерт Итд, ободренный ее откровенностью, – Что насчет того праздни-

---

⁴ Персонаж серии мультфильмов компании «Дисней», известный своим огромным состоянием и страстью к накоплению богатств.

ка и всего остального?

– А что насчет нее? – игриво и вызывающе сказала она.

– Что насчет организации коммунистического праздника, когда ты богаче, чем Скрудж МакДак?

– А почему бы и нет?

– Я не говорю, что ты должна...

– Но я могу себе это позволить. Тут надо помнить, что дело не заканчивается тем, что, мол, «каждому по потребностям». Дальше еще идет «от каждого по возможностям». Я знаю, как искать заводы, которые идеально подходят для прямых, решительных действий. Я знаю, как проникнуть на них. Я знаю, как запустить станки и линии обработки. Я знаю, как организовать такой праздник, чтобы земля закачалась! У меня есть эта незаслуженная, незаработанная привилегия. Помимо того, чтобы убить себя как врага человеческого рода, можешь ли ты придумать для меня более подходящее занятие?

– Ты могла бы отдать деньги...

Он почувствовал, как индевет от ее взгляда.

– Ты разве еще не понял? Раздача денег ничего не решает. Просить сверхбогачей, которых мы называем зоттами⁵, искупать свои грехи путем раздачи денег направо и налево, это значило бы признать, что они все это заслужили и вправе са-

---

⁵ Зотта – вымышленное название, однако это слово было предложено в качестве приставки СИ для обозначения 10^{25} (ср. созвучной приставкой «зетта», обозначающей 10^{21}).

ми решать, кто должен получать подачки, а кто нет. Это как обманывать себя и всех, что ты можешь стать богатым, не будучи бандитом. Если дать им право решать, кто должен получить деньги, это словно объявить планету гигантской корпорацией, которой должны править крупнейшие акционеры. Это означает сказать, что правительство всего лишь посредник, который нанимается и увольняется по мановению директоров.

– Кроме того, если ты веришь во все это, совершенно не нужно раздавать свои деньги, – сказал Сет.

Она не разозлилась.

– Зачем нам вообще нужны деньги? Пока вы продолжаете притворяться, что деньги – это все, что угодно, кроме общепринятой галлюцинации, в которую нас погрузила правящая элита, чтобы убедить вас в том, что в этой жизни необходимо копить только все самое лучшее, вы никогда не сможете что-либо изменить. Стив, проблема не в том, что люди неправильно тратят деньги, и не в том, что деньги сосредоточены в руках не тех людей. Проблема *всамих* деньгах. Деньги работают только в том случае, если оборот всего остального недостаточен, если тебя убедили, что дефицитные вещи более-менее справедливо распределены, но это все тот же аргумент узкого круга меритократов, который Итакдалее так удачно разбил в споре с моим отцом: рынки – это самый справедливый способ решить, кто что должен получить, и именно рынки привели к текущему ужасному распределе-

нию благосостояния, поэтому текущее ужасное распределение благосостояния и является лучшим решением этой серьезной проблемы.

– Каждый раз, когда кто-то говорит, что деньги – это ничего не значащее дерьмо, я хочу проверить, сколько у него денег. Без обид, Натти, но говорить о том, что деньги – это ничего не значащее дерьмо, гораздо проще, когда они у тебя есть.

Сет присел и начал с усердием тереть свои ноги. Засохшая грязь комьями слетала с его джинсов.

Она фыркнула:

– Это все, что ты можешь сказать? «Социалист с шампанским»? Думаешь, что если я родилась в семье, где много денег – простомного денег, больше денег, чем ты когда-либо мог себе приставить, – это не дает мне права сформировать собственное мнение?

Сет сходил в кладовку и вытащил продукты: свежие фрукты, регидрационный напиток на основе маточного молочка, пицца в коробке «Пицца, готовая к употреблению»⁶, язычок которой он тут же вытянул и подготовил к открытию. Повисло неловкое молчание. Губерт Итд уже хотел что-то сказать, но Сет опередил его:

– Я встречал много полицейских с идиотскими теориями о преступлениях и человеческой природе. У генералов явно

---

⁶ MRE, Meal Ready-to-Eat – сухой паек, принятый на снабжение Вооруженными силами США.

извращенное мнение о том, насколько серьезна смерть человека. Каждый священник, раввин и имам знает много всего о невидимом, всемогущем существе, которое, похоже, всего лишь сказочный персонаж. Поэтому да, наличие больших денег, скорее всего, не дает тебе права говорить о том, что ты хоть что-то об этом знаешь. – Он открыл пиццу, уклонившись от поднимающегося пара. – Хочешь кусочек? – спросил он, когда запах чеснока, томатов, маринованной кукурузы, анчоусов и орегано наполнил воздух.

Губерт Итд ждал, когда Натали взорвется. Сет был мастером провокаций. Однако ничего не случилось.

– Есть какая-то доля правды в твоих словах. Скажем так, у нас разный взгляд на деньги. Скажи мне, Стив, ты считаешь, что сможешь тратить и перераспределять средства так, чтобы сделать этот мир лучше?

– Вообще понятия не имею.

Губерт Итд притянул к себе коробку пиццы и взял кусок. Она была неплохой для пиццы быстрого приготовления. Соус был терпким и острым, к нему можно было привыкнуть так же быстро, как к крэку⁷.

Когда он понял, что может съесть столько пиццы, сколько захочет (что, кстати, служило наглядным примером возможностей резиденции Редуотеров), он взял еще два куса.

– Я подозрительно отношусь к любым планам по устранению несправедливости, постулирующим, что первым шагом

---

⁷ Дешевый кокаин с примесями.

будет разрушение всей системы и замена ее на более совершенную, – особенно если ты не можешь ничего сделать до тех пор, пока этот шаг не будет предпринят. Из всех способов детского самообмана людей, чтобы сидеть ровнехонько и продолжать дальше ничего не делать, это самый корыстолюбивый.

– А как насчет ушельцев? – спросил Губерт Итд. – Похоже, они делают то, что действительно изменит мир. У них нет денег, они не притворяются, будто деньги что-то значат, и происходит вот это все прямо сейчас, в наше время.

Натали и Сет посмотрели на него, а он с аппетитом приканчивал уже третий кусок.

– Они довольно-таки странные и мутные ребята, но, конечно, главное при этом, что они уничтожают наш мир, каким мы его знаем, и строят на его месте новый, – добавил он.

– Он же шутит, правда? – спросила Натали.

– Совершенно без понятия, – сказал Сет. – Он вообще странный. Итакдалее, ты же шутишь?

Губерту Итд стало приятно, что он сумел оказаться в центре внимания.

– Я говорю совершенно серьезно. Послушайте, я тоже в курсе всех этих историй. Не знаю, насколько они правдивы, но если вы на полном серьезе говорите о вещах типа «давайте изменим наш мир», то вы не можете не обращать внимания на несколько миллионов чокнутых, которые поставили перед собой именно такую цель. Вы не можете игнорировать

их только потому, что вам не нравится их стиль жизни. Мы же, к примеру, не говорим, что самоподогревающаяся пицца является неотъемлемым общественным институтом, которым мы как вид наслаждались в течение тысячелетий.

– Что ты предлагаешь?

– Я, как бы, ничего не предлагаю. Однако если бы вы захотели, то могли получить всю нужную информацию о том, как стать ушельцем, буквально за десять минут, а уже завтра могли бы двинуться в путь и жить так, словно это первые дни лучшей нации⁸, ну или более чокнутого мироустройства.

Натали долго смотрела на темнеющее закатное небо.

– Бильям постоянно шутил об ушельцах. Всегда находилась какая-нибудь пара ушельцев, которая приходила на коммунистические праздники и что-нибудь совершенствовала то здесь, то там. Игнорировали нас, не смотрели в глаза, но после них все работало гораздо лучше. Бильям сказал, что мы все рано или поздно станем ушельцами.

– Он был твоим лучшим другом, да? – Губерт Итд почувствовал себя идиотом.

– Я время от времени проводила с ним время в течение последних трех лет. Он не был моим лучшим другом, но нам было весело. Да, он был хорошим человеком, хотя я видела

---

⁸ «Первые дни лучшей нации» – фраза, постоянно повторяющаяся в книге, является видоизмененной фразой «Работай так, как будто живешь в первые дни лучшей нации», приписываемой шотландскому писателю Аласдеру Грею, хотя сам автор говорил, что она принадлежит английскому певцу Дэннису Ли. Это выражение выгравировано на стене Шотландского парламента.

его и настоящим, первосортным уродом.

Сет удивил Губерта Итд, сказав:

– Это не очень-то вежливо.

Она раздраженно выдохнула:

– Ерунда. У меня нулевая терпимость к тем, кто говорит: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Бильям был на шестьдесят процентов хорошим парнем, а на сорок процентов полным уродом. Это ставит его где-то посередине графика нормального распределения всего человечества. Он ненавидел всяческое дерьмо с той пылкостью, которую можно встретить, наверное, только на солнце. Он был моим другом, не вашим.

Губерт Итд почувствовал, как на глазах наворачиваются слезы, и совершенно не понимал, почему. Он ушел в туалет, сел на крышку унитаза, посидел с закрытыми глазами, потом устался в зеркальную поверхность, дав показать себя в анфас и профиль, а также сверху. Он выглядел совсем плохо. Однако, поразмыслив немного, понял, что нет, выглядел он вполне обычно, таким же, как миллиарды других людей, ничем не лучше и ничем не хуже остальных. Он подумал о том, как Натали говорила о графике нормального распределения, и решил, что он сам пребывает в пределах одного или двух стандартных отклонений по каждой оси.

Он умылся холодной водой, затем вышел, ведя мокрой рукой по изрисованной детскими пальчиками стене. Натали и Сет смотрели на него то ли виновато, то ли с тревогой.

– У тебя все хорошо, дружище? – сказал Сет.

– Натали, – сказал Губерт, – я не думаю, что среднестатистический человек на шестьдесят процентов хороший, а на сорок процентов урод. Я считаю, что среднестатистический человек иногда пытается убедить себя, что он является центром мира, и значит, ничего не будет плохого в том, что он сделает другому человеку то, что он не хочет, чтобы сделали ему самому, но, конечно, он не будет слишком усердно над этим размышлять, вроде как я сейчас.

– А, ну ладно, – хмыкнула Натали.

– И еще я считаю, что вся трагедия существования человечества в том, что миром правят те люди, которые очень хорошо научились себя обманывать, такие, как твой отец. Он обманывает себя, убеждая, что он богатый и властный, так как он принадлежит сливкам общества. Но он не дурак. Он *знает*, что обманывает себя. Поэтому под верхним толстым слоем дерьма лежит другая, более осознанная система убеждений: твердая уверенность, что все остальные будут обманывать себя точно так же, как он, если им предоставится такая возможность.

– Все верно, – ответила она. – Его убеждения не возникли на основе идеи, что в самообмане нет ничего страшного, ведь ты такая вся из себя особенная снежинка, которой полагается больше плюшек, чем остальным детям. В основе лежит идея, что самообман – это *человеческая природа* и что если он не возьмет последнюю плюшку, то ее заберет кто-

то другой, поэтому лучше быть самым-пресамым самообманывающимся и резвым собирателем плюшек, а иначе кто-то более ужасный, аморальный и жадный прибежит к тарелке быстрее, съест все плюшки и пойдет с пустой тарелкой по кругу, взимая плату с тех, кто хочет выпить молоко.

Сет сказал:

– Здесь стоит упомянуть трагедию общин.

Натали подняла руки вверх:

– Знаешь, я слышала термин «трагедия общин» уже, наверное, тысячу раз, но никогда не пыталась узнать, что это значит. Итак... Что это значит? Что-то связанное с трагической жизнью бедных людей?

– Община – это не простонародье, – сказал Губерт. Он чувствовал, как в нем что-то проснулось и обретало силу. Он хотел сбросить пиццу с кофейного столика и использовать его как трибуну. – Общины. Общая земля, которая никому не принадлежит. В деревнях были общинные поля, куда каждый мог пригнать свой скот на ежедневный выпас. Трагичность здесь в том, что, если эта земля ничья, кто-то может пригнать сюда стадо овец, которое в конце концов оставит здесь лишь пыль да грязь. Все знают, что такой ублюдок рано или поздно придет, поэтому лучше *ужсамому* стать таким ублюдком. Лучше, чтобы овцы такого славного парня, как ты, были сыты, чем овцы вон того эгоистичного придурка.

– Фигня какая-то.

– Да, действительно, – сказал Губерт Итд. Что-то двига-

лось у него внутри, так что в паху и щекам стало щекотно. – Это не просто фигня! Это прожигающая насквозь, злобная, переворачивающая устои мира фигня. Решением трагедии общин не является привлечение полицейского, который будет следить за тем, чтобы социопаты не выпасывали свой скот чрезмерно, что сделает любого, взявшего на себя эту роль, отверженным. Решением является предоставление некогда общей земли барону-разбойнику, потому что он будет эксплуатировать эту землю с выгодой, а значит, заботиться о ней, чтобы всегда получать прибыль.

– И в этом заключается трагедия общин? Сказочка о том, что нужно отдать общественные ресурсы богатым людям, чтобы те построили личные империи, так как именно тогда управление этими ресурсами будет лучше по сравнению с простым принятием свода правил всем народом? Боже, папа будет простобез ума от этой истории.

– Это реальная история происхождения таких людей, как твой отец, – сказал Губерт Итд. – Это очевидная фигня для всех тех, чья прекрасная жизнь не зависит от того, чтобы это оставалось неочевидным для всех остальных.

– Ты слышишь, папа? – сказала она, оглядывая комнату. – Очевидно для всех тех, чья прекрасная жизнь не зависит от того, чтобы это оставалось неочевидным для всех остальных, ты, самообманывающийся, социопатический придурок!

– Он что, тебя подслушивает? – сказал Сет.

– В домашней сети у меня есть индивидуальный фильтр

конфиденциальности. Но, конечно, постоянно работают поворотные камеры, так что, если меня похитят или убьют, он сможет посмотреть, кто это сделал. Конечно, это все ерунда, и он всегда мог снять блокировки. Он научился этому у меня, когда просматривал журналы аудита и обнаружил, что я могу снимать блокировки. Теперь он выставил все блокировки, но я точно уверена, что иногда он просматривает мои записи. – Натали смотрела куда-то перед собой: – Да, папочка, я знаю, что ты все слышишь. Как это убого.

Губерт Итд вспомнил, как хмурился на свое отражение в ванной, и подумал, нет ли где-то долгосрочной архивной копии этой записи. Он знал многих людей, у которых прослушивались дома, однако как можно было жить, зная, что за тобой постоянно наблюдают? Когда твоя инфографика⁹ говорит, что все недочеты в твоей системе исправлены, лучше ей доверять. Именно поэтому возникла такая паника из-за уязвимостей безопасности «нулевого дня»: внезапное осознание того, что все может быть автоматически взломано случайным злоумышленником или каким-нибудь уродом, использовавшим алгоритм определения рисунка кожи, чтобы поймать тебя за мастурбацией, ключевые слова для пометки тех твоих разговоров, о которых и не хотелось бы вспоминать, – да, в конце концов твои биометрические данные для атаки на твои финансовые счета и социальные сети!

---

⁹ Графический способ подачи информации, позволяющий быстро получить сводные сведения по комплексным данным.

Жить, зная, что мерзкие типы вторглись в твой личный периметр, было *мерзко*. Из всех странных вещей, связанных с жизнью зотт, это было самым странным. Видимо, до поры до времени.

– Извини, – сказал Губерт Итд. – Просто пытаюсь совладать с этой информацией. Как часто он наблюдает за тобой?

– Кто бы знал. Обычно, если я хочу поговорить серьезно, то ухожу куда-нибудь, – она осмотрела большую, просторную, грязную комнату. – Я здесь нечасто бываю.

Ранее Губерт Итд предположил, что это место стало свалкой, потому что Натали была богатой неряхой, которая не осознавала, насколько все хорошо в ее жизни, но теперь понял, что это было хорошо продуманный жест презрения. Это место было не ее домом, а временным пристанищем. У Губерта Итд никогда не получалось поддерживать с родителями хорошие отношения, но здесь был совершенно другой уровень.

– А что насчет твоей мамы? – спросил он. – Она знает, что отец за тобой следит?

– Конечно, – ответила она, – мама тоже нечасто сюда приезжает, она живет в часовом поясе минус восемь или минус девять часов от времени по Гринвичу.

Она в притворном ужасе запрокинула голову:

– Ох, ты, наверное, имеешь в виду какие-то сексуальные проблемы? Нет, точно уверена, что нет. Мой отец всегда посещает нужных специалистов. Он никогда не был каким-ни-

будь извращенцем. – Она слегка поменяла тон: – Видишь, папа? Я за тебя заступилась. Кем бы ты ни был, ты никогда не волочился за своими дочками. Bravo!

Он почувствовал, как поднимаются волосы на тыльной стороне шеи. То, что недавно ожило в нем, медленно вращалось где-то внутри.

Она посмотрела на Губерта и Сета.

– Да вы как будто призрака увидели! Не переживайте, просто не обращайтесь внимания. Это ничем не отличается от жизни во всем остальном мире, где тебя постоянно регистрируют и записывают. Разве может быть что-нибудь хуже? Папа не будет зачищать вас, посылать наемных убийц по вашему следу после того, как мы уйдем.

– После того, как уйдем?

– Разве мы не об этом говорили? Стать ушельцем? Разве не к этому все шло: типа там принц и нищий: «Бьюсь об заклад, я надену шмотки бомжа и буду жить незаметно среди низших классов, смотрите, как круто»?

– Итакдальше, не заставляй меня становиться ушельцем, – сказал Сет.

Нечто продолжало ворочаться внутри Губерта Итд:

– Я что, собирался туда уходить?

Натали перехватила его взгляд. Ее лицо озарилось. Она была просто прекрасна. Прыщи на ее лице, россыпь веснушек, розовая склера ее глаз и подрагивающие веки. Она была преисполнена жизнью, печалью и тем чувством, которое ис-

пытала, когда поняла, что постоянные нашептывания взрослых о деньгах и работе – это все лишь внешнее отражение ее глубинного, нескончаемого ужаса. Это был страх, который терзал каждого взрослого человека. Первобытный страх перед тигром, который может ждать у выхода из пещеры.

– По мне, так именно это ты и имел в виду, – сказала она.

– Сет, – сказал он, – а что действительно мешает тебе стать ушельцем?

К его удивлению, Сет выглядел искренне расстроенным.

– Ты шутишь. Эти люди ведь реально поехавшие. Это *бездомные люди*, Губерт. – Губерт Итд обратил внимание, что приятель назвал его просто «Губертом» – четкий признак того, что они добрались до болезненной стороны его души. – Это бомжи. Они жрут отбросы...

– Ну, не совсем отбросы, – возразил Губерт Итд. – Точно так же можно сказать, что пиво, которое мы вчера пили, было мочой. Назови объективную причину. Верность работодателю? Перспективы успешной и насыщенной жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.